

Виктор Цыганков

*И это всё
о нас!*

Повести и рассказы

Кемерово 2022

Содержание

90 минут. Повесть	3

Рассказы

Вечера на хуторе близъ Чугуевки	16

Отпуск	33

От отбоя до подъёма	43

Киса	51

Поцелуй в темечко	64

Ресторан	75

Штатная ситуация	90

Нерифмованные стихи начинающего поэта

Костя	105

Старушка рота	108

*Памяти однокурсника
Анатолия Степовика*

90 минут

Повесть

*...Для тех, с морем кто судьбу связал,
Не страшен и девятый вал!
Но, видно, в море не бывал,
Кто так сказал.
Слова из известной песни*

24.09.1983 г., 00:30

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки**

– Твою мать! – только и произнес Стопов, как его подхватил мощнейший водяной вал, и, потеряв под ногами твердь палубы, он успел почувствовать, как ледяная вода накрыла его с головой. Едва вынырнув и сделав вдох, был тут же накрыт вторым валом. В следующий раз, прорвавшись сквозь толщу воды на поверхность, он успел сделать вдох и осмотреться. Корма яхты медленно удалялась от него, идя носом навстречу новым водяным валам, от встречи с которыми из-под форштевня вылетало огромное количество водяных брызг и пены.

Не почувствовав натяжения страховочного линя, напрягся. Опустив правую руку на пояс, он попытался нащупать карабин,

к которому крепилась страховка. Но пальцы не нашли ни карабина, ни страховочного пояса. Вероятно, рывок был такой силы, что пояс не выдержал и лопнул.

Мысли вихрем закрутились в голове: «Быть не может! Я же сам проверял...» Действительно, перед выходом в море все было проверено. Такелаж, в прочности которого были сомнения, заменен. Стопов лично занимался этой работой, учитывая её важность. Вероятно, это тот случай – один на тысячу, – когда порыв ветра совпал с направлением удара волны, плюс масса его тела – страховка не выдержала!

«Спокойнее, без суеты и нытья!» – сказал сам себе и попытался оценить ситуацию, в которой оказался. Через десять, максимум пятнадцать минут, когда волны начнут бить по бокам яхты, экипаж поймет – у руля никого нет. Через шестнадцать минут яхта встанет на циркуляцию, и за борт будут выброшены спасательный круг и сигнальный маячок. Ещё через тридцать минут, описав по циркуляции круг, яхта выйдет к сброшенному за борт сигнальному маячку. И так, у него есть пятьдесят или чуть больше минут, чтобы, двигаясь в сторону ушедшей яхты, найти маячок. Второе – надо продержаться все это время в воде при температуре плюс 9 градусов по Цельсию. Вот это – самое трудное. Человек при такой температуре может находиться в воде максимум 90 минут. Значит, у него и экипажа на все про все 90 минут...

И он начал, насколько возможно, быстро двигаться в направлении ушедшей яхты. Комбинезон и спасательный жилет мешали, сковывали движения рук и ног, но бросать их нельзя – так он заметнее.

24.09.1983 г., 00:40

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки.
Борт яхты «Паллада»**

Александр Рогов, капитан крейсерской океанической парусной яхты «Паллада», почувствовал неладное через десять минут после ухода старпома на вахту. В это время года в Японском море

шторма бушевали часто. И в штормовую смену, да еще и в ночь, у штурвала остаются наиболее опытные члены экипажа. Рогов знал – как и он сам, Анатолий имел достаточно опыта управления судном в самых трудных погодных условиях, вместе прошли по морям и океанам не одну тысячу миль, бывали в разных переделках, но всегда ощущали крепкое и надежное плечо друг друга. И когда яхта начала встречать волну не носом, а разворачиваться к ней боком, интуиция подсказала – что-то идет не так.

«Что за ерунда?» – захлопывая книгу, подумал капитан и решил подняться наверх. В кают-компании подвахтенные играли в шашки. На верхней ступени трапа стало ясно – старпома на палубе нет, за штурвалом пусто!

– Аврал! Человек за бортом! – крикнул вниз. Подхватив страховочный линь, один конец закрепил на поясе, а второй, уже на палубе, карабином за леера. Через считанные секунды вся команда была наверху.

– Сергеев! – стараясь перекричать шум ветра и волны, капитан отдавал команды. – За борт – спасательный круг с сигнальным маячком! Миркачев, Ежов – проверить леера по правому и левому бортам! Искать страховочный линь! Включить прожектора и ревун с интервалом три минуты! Остальным – осмотреться с бортов, искать человека! Штурман, координаты радисту! Радист, радио в пароходство, сообщить о ЧП, передать координаты, через них просить помощи в организации поисково-спасательных работ у находящихся поблизости судов! Всем держаться – лево руля до упора!

«Паллада» как бы нехотя стала поворачивать влево на курс круговой циркуляции. Корпус дрожал, едва выдерживая натиск шторма с правого борта. Резкий поворот привел яхту почти к критическому крену, но благодаря высокой остойчивости и великолепному килю она шла по дуге круга, стремясь вернуться в начальную точку циркуляции. Каждый член экипажа знал, что старпому сейчас никто не поможет, кроме них, и что при такой погоде и температуре морской воды человек – каким бы тренированным он ни был – продержаться долго не сможет. Все команды выполнялись

четко, быстро, без суеты. Между тем, ветер только усиливался, достигая в отдельные моменты скорости семнадцати метров в секунду. Волнение моря – четыре балла! Держись, старпом!

Для сведения

При получении сигнала «Человек за бортом» вахтенный помощник капитана обязан поставить судно на циркуляцию (движение по кругу), повернув для этого штурвал в правую или левую сторону – смотря по судходной обстановке, и выбросить в воду спасательный круг с сигнальным маячком. Циркуляция необходима в связи с тем, что судно, обладая огромной инерцией, может отойти слишком далеко от того места, где произошло происшествие. При движении по кругу через определенное время оно окажется в точке начала циркуляции, где был выброшен за борт маячок. Чем крупнее судно, тем больше диаметр циркуляции, тем больше времени будет затрачено на этот разворот. Но в любом случае, если нет волнения волн, ветра и течения, создающих дрейф, судно вернется к изначальной точке. Тогда начинаются поисково-спасательные работы.

24.09.1983 г., 01:00

Находка, морское пароходство, управление безопасности мореплавания (УБМ)

Оперативный дежурный УМБ внимательно прочитал радиogramму с «Паллады» и сразу же пригласил всю смену.

– Наша задача, – сказал он после прочтения радиogramмы, – организовать помощь в проведении поисково-спасательных работ. Первое – определиться с районом поиска, запросить метеосводку с прогнозом на ближайшие дни. Подключить суда,

находящиеся в непосредственной близости от района поиска. Связаться с китайской, корейской, японской береговыми службами, проинформировать их о случившемся и просить принять участие в поиске человека их силами и средствами, возможно, находящимися поблизости. Информацию о ходе работ докладывать мне через каждые полчаса. Вопросы? За работу!

Оперативный дежурный Артем Ерохин хорошо знал Стопова, который на два года позже него окончил морское училище и был направлен для работы в торговый порт. Встретились в пароходстве. Оба любили ветер, парус и яхты, вместе занимались парусным спортом в яхтклубе училища. От коротких походов по островам залива Петра Великого остались яркие воспоминания. Мечтали когда-нибудь под парусом обойти вокруг «шарика». Но Стопов не просто любил яхты, он болел парусами, каждую свободную минуту проводил в яхтклубе. А когда пароходство приобрело в Японии крейсерскую яхту, он не мыслил себя вне её команды. И по праву одного из опытнейших яхтсменов занял свое место в экипаже.

Несмотря на ночной час, Ерохин набрал телефон президента яхтклуба.

– Иван Николаевич, здравствуйте! Это Ерохин, оперативный дежурный УМБ.

– Что-нибудь с «Палладой»? – без предисловий перебил Макаров. Опытный моряк, отдавший много лет морю и парусу, он, выйдя на пенсию, возглавил яхтклуб, приступив к этой работе с такой энергией, что ему завидовали сверстники – откуда у человека в почтенном возрасте столько сил и юношеского задора.

– Да. У них ЧП – с борта смыло волной Стопова. Экипаж ведет поиск. В этом районе штормит: ветер до семнадцати метров в секунду, волна четыре балла. Температура воды 9 градусов. Занимаемся привлечением к поиску находящихся рядом судов.

– Артем, я сейчас подъеду!

– Хорошо, поднимайтесь сразу ко мне. Вся информация здесь.

24.09.1983 г., 01:00

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки**

Стопов боролся с волной и продолжал движение в направлении ушедшей яхты.

– Главное – не отклониться от направления! – твердил себе, и каждый раз, когда волна поднимала его на гребень, осматривался. Но маячка не было видно.

Водонепроницаемые часы «SEIKO» с подсветкой показывали, что в воде он находится тридцать одну минуту. Холод медленно, но упорно проникал внутрь организма. Руки устали, он стал чаще отдыхать.

«SEIKO» – подарок Настеньки на тридцатилетний юбилей. Он гордился этим подарком! Где, как, у кого ей удалось их пробрести, оставалось для него тайной, но подарок был просто роскошный!

Настенька! Жenuшка! Они вместе учились в школе, дружили с девятого класса. После школы он поехал во Владивосток поступать в морское училище. Моря мальчишка не видел ни разу, но однажды в руки попал справочник по вязанию морских узлов. Это так увлекло его, что сначала были прочитаны все книги о море в школьной библиотеке, а потом и в поселковой. После школы решил – только в морское училище. Родители сначала противились, но зная его характер, отпустили. Первая попытка оказалась неудачной, не прошел по конкурсу. Вернулся и, получив повестку о призыве на службу в армию, признался Насте в любви. Она ответила взаимностью, обещала ждать. Два года пролетели незаметно. Демобилизовался и на третий день привел Настю домой, сказав: «Это моя невеста, будем играть свадьбу». Батя только улыбнулся: «Хорошая девка! Ничего дурного о ней в поселке не слышал. Будем гулять!» Свадьбу справили отменно!

Но мысли о море не покидали. Договорились с молодой женой, что он едет поступать на подготовительное отделение – так будет надежнее, и если поступит, снимет жилье и заберет ее.

В октябре встречал жену на железнодорожном вокзале. Съемная комнатка была маленькая, но полна счастья и радости!

Через шесть лет он получил диплом инженера-эксплуатационника и направление в торговый порт Находки. Настя к этому времени окончила педучилище и стала воспитателем детского сада.

По новому месту службы долго не могли определиться с жильем. Наконец с помощью родителей купили на тихой улочке частный дом с окнами на море и приступили к обустройству своего гнездышка. Настя оказалась прекрасной хозяйкой и чудесной женой...

...Холод продолжал свою работу. Ноги становились деревянными и все хуже слушались, мысли текли медленно, как кисель. Часы показывали, что прошло сорок минут. Он продолжал делать взмахи руками, а глаза искали маячок.

24.09.1983 г., 01:10

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки.
Борт яхты «Паллада»**

– Нашел карабин! – прокричал Ежов с левого борта. Рогов подбежал к нему. В руках у матроса был страховочный линь, один конец его карабином пристегнут к лееру, а на втором болтались остатки страховочного пояса Стопова...

Старпом за бортом минут сорок, а они еще не вышли на сигнальный маячок. Ветер бушевал с прежней силой, вода холодными брызгами заливала лицо, «Паллада» скрипела, но слушалась руля и упорно пробивалась к цели.

Из пароходства пришла радиограмма: «Через полтора часа в зону поиска войдет танкер «Душанбе», еще через три часа сухогруз «Федор Шаляпин».

«Долго, очень долго! – думал Рогов. – Нет у него столько времени в запасе!» Почему-то вспомнилось, как провожали яхту. Приглашение в Корею, в Пуссан, на ежегодную регату в честь Дня города

они получили полгода назад. Заручившись согласием начальства, приступили к подготовке, работали много и упорно. Прежде всего, определились с экипажем. Отобрали самых лучших спецов, матросов-универсалов, каждый из которых владел несколькими специальностями. Смежные профессии на яхте, где экипаж всего-то семь человек – жизненная необходимость. Затем – паруса, такелаж, ходовая часть, навигационные и радиопередающие приборы. Все было проверено на десятки раз. При первой возможности выходили в море, необходимо было отрабатывать слаженность действий экипажа при любых погодных условиях. На завершающем этапе покрасили корпус. Яхта стояла у пирса белоснежная, как невеста.

Провожали «Палладу» от причала яхтклуба. Руководство парходства, члены семей, яхтсмены и просто горожане, внимание которых привлекла белоснежная красавица, сказали в напутствие много хороших и теплых слов...

Для сведения

Крейсерская парусная океаническая яхта может достигать в длину до 50 футов (1 фут равен 30,48 сантиметра), при этом совершать плавание на более чем 2,5 тысячи километров со скоростью до 18 узлов (узел – мера скорости движения судна). Экипаж в количестве до 9 человек проживает в достаточно комфортных условиях со всеми необходимыми удобствами: большой кокпит, ванная комната, кают-компания, кубрики и т. д. На яхте хорошая навигационная станция, радио и антенна, лебедка, карты, список маяков и портов на пути следования, медикаменты, запасной такелаж. Обычно яхта несет две мачты: стаксель и грот, на которых крепятся два треугольных паруса соответственно. Основным элементом устройства парусной яхты является рангоут. Это система, которая в совокупности и создает каркас и основу крепления для парусов.

По-особому устроен киль яхты, его специально делают сильно выступающим вниз, чтобы лавировать против ветра. Такой выдвинутый киль работает как «тормоз» при боковой ветровой нагрузке, тем самым яхта движется вперед практически без сноса вбок.

24.09.1983 г., 01:25

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки**

Холод! Проклятый холод! Он незаметно сковывал руки, ноги, мысли, заставлял просто лечь на спину и закрыть глаза. Нет! Нужно найти сигнальный маячок. «Паллада» где-то рядом, еще чуть-чуть... Анатолий посмотрел на часы – в воде 55 минут.

Какой смысл смотреть на часы? Неумолимо бегущее время только раздражает! Подняв обе руки над водой, осторожно правой расстегнул браслет, нажал кнопку остановки часового механизма и положил часы в нагрудный карман спасательного жилета. Стало немного легче, бегущая секундная стрелка больше не раздражала.

«Где же этот маячок?» – Он постоянно осматривался, но ни маячка, ни прожекторов, ни звукового сигнала ревуна с яхты... Кругом темнота, шум штормового моря и холодная соленая вода...

Он уже не представлял, в какую сторону ушла яхта, где север, где восток... На какие-то доли секунды сознание покинуло его...

24.09.1983 г., 01:30

Находка, дом Стоповых

Насте в эту ночь не спалось. Вышла на крыльцо. Ветер не стихал, яростно гнал по небу рваные низкие облака, бросал в лицо холодную осеннюю морось, срывал оставшиеся желтые листья и уносил их куда-то прочь. В такую погоду хорошо сидеть дома

у теплой печи. Сколько лет живет у моря, а так и не привыкла к резкой смене погоды, постоянной влажности, затяжным осенним дождям без грома и молнии, резкому запаху морских водорослей.

«Это здесь. А как там, в море?» – она постоянно думала о муже, когда он уходил под парусом. В этот раз, провожая его, почему-то почувствовала, как сжалось сердце, захотелось его обнять и не отпускать в эту Корею. Но разве его удержишь!

Немного постояв, тихо вернулась в дом. Дочери спали, разметавшись в своих кроватках. Легла, но мысли не покидали ее. «Как они там?»

24.09.1983 г., 02:00

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки.
Борт яхты «Паллада»**

«Полтора часа, а мы еще не вышли на сигнальный маячок!» – думал Рогов. Ветер и волнение усиливались, возможно, дрейф гораздо сильнее, чем он предполагал. Прожектора утюжили налетающие водяные валы с правого и левого бортов, через каждые три минуты «Паллада» посылала в ночную мглу громкий сигнал-ревун, но пока результат был не в пользу старпома.

24.09.1983 г., 02:00

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки**

Анатолий уже не помнил, сколько времени находится в воде. В полузабытье в его голове проносились картинки прошлой жизни...

Вот он учится вязать морские узлы, первый поцелуй с Настей, первый армейский наряд, свадьба, однокурсники по морскому училищу, первый раз в море под парусом, диплом, свой домик в Находке, рождение дочерей – все медленно проплывало у него в сознании, и отличить реальность от видений было невозможно. Сознание, как и тепло, медленно уплывало, но он не чувствовал, но продолжал монотонно работать руками...

24.09.1983 г., 02:30

**Находка, морское пароходство,
управление безопасности мореплавания (УБМ)**

Информация, поступавшая из разных точек, была неутешительной. Макаров и Ерохин молча посматривали друг на друга – оба представляли, каково там сейчас ночью в шторм в холодной воде Стопову. Оба понимали – два часа в воде такой температуры – очень много. Вопрос жизни и смерти решают считанные минуты. Самое обидное – что-либо предпринять было уже не в их силах. Оставалось сидеть и ждать радио с «Паллады»...

24.09.1983 г., 03:00

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки.
Борт яхты «Паллада»**

Два с половиной часа – сто пятьдесят минут – идет поиск, но результата нет! Ветер срывал гребни волн и с размаху бросал их в лицо членам экипажа, словно глумясь: «Ну что, поборемся? Свою добычу я не отпущу! Я здесь хозяин!»

Корпус яхты от натиска ветра и волн дрожал, судно ложилось в крен на запредельные углы, но борьба человека со стихией продолжалась.

24.09.1983 г., 03:15

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки**

Стопов находился в бессознательном состоянии. Волны и ветер трепали, тормозили его тело, как бы говоря: «Ну же! Борись!» Но он уже ничего не чувствовал. В какой-то момент руки сделали произвольное движение, выскользнули из спасательного жилета, и... темная морская пучина сомкнулась над его головой.

На поверхности одиноко, скатываясь с одной волны и взбираясь на другую, ярким оранжевым пятнышком выделялся спасательный жилет...

24.09.1983 г., 06:00

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки.
Борт яхты «Паллада»**

Ветер, как и обещали синоптики, к утру начал стихать. «Паллада» бороздила район поиска снова и снова. Рогов постарел за эту ночь лет на десять...

24.09.1983 г., 06:30

**Находка, морское пароходство,
управление безопасности мореплавания (УБМ)**

– Артем, я еду к Стопову домой. Нужно сообщить Насте о случившемся, – сказал Макаров и тяжелой походкой пошел к выходу.

24.09.1983 г., 07:15

Находка, дом Стоповых

В окно Настя увидела, как к дому подъехала машина. Из нее вышел Макаров в парадной форме капитана дальнего плавания со всеми регалиями на груди. Сердечко сжалось... Она выскочила на улицу.

– Что-то с Толей?

– Анастасия Ивановна! Сегодня ночью в 00:30 в Японском море во время шторма Анатолий Григорьевич был смыт за борт волной! Поиски продолжаются. Но пока результатов нет...

Настя медленно опустила на крылечко, слезы текли из ее глаз.

Послесловие

Через три дня «Палладе» дали команду «Поиск прекратить и вернуться в порт».

Спустя пять дней после окончания поисковых работ корейский рыболовецкий сейнер поднял из моря спасательный жилет с надписью «Паллада» в 25 милях от места происшествия. Жилет в установленном порядке был передан советской стороне.

Еще через два дня Макарова пригласили в кабинет начальника пароходства. Вскрыли пакет, в котором находился спасательный жилет, переданный из Кореи. В нагрудном кармане лежали часы «SEIKO». Стрелки застыли на 01:27... ●

2020 год

Рассказы

Вечера на хуторе близь Чугуевки

Пороховой дым от выстрела Федора Дмитриевича быстро рассеивался. Из стайки с визгом выскочил, сорвав с петель дубовую дверь (отлетела аккурат метра на три), здоровенный, центнера на полтора, хряк с окровавленной мордой. Вероятно, в момент выстрела кабан интуитивно дернулся, и пуля рикошетом от его лба ушла в деревянную стойку. Налитые кровью зрачки по-восточному узких и раскосых глаз яростно вращались. Слепнув на доли секунды от яркого солнечного света, не понимая происходящего, хряк замер, а потом, громко визжа, рванулся к изгороди, отделяющей загон от остальной части обширного двора, явно рассчитывая протаранить ее и получить путь к свободе. Но изгородь устояла. Только заметно покачнулась наружу и, возвращаясь в обратное положение, отбросила его на исходные позиции. Не переставая визжать, тот бросился к калитке, на пути к которой оставалась одна преграда – это я в парадных флотских брюках.

– Ворота, ворота держите! – кричал стремительно вскарабкавшийся на крышу сарая хозяин, не более трех минут назад так позорно промахнувшийся. – А то не ровён час по всей тайге будем искать!

С не меньшей ловкостью – что при его комплекции было весьма удивительно – к нему присоединился и Виталий Петрович,

наш ротный старшина, по плану операции в его задачу входило перед выстрелом открыть, а затем закрыть дверь сарая и не выпустить порося в загон. Старшинские усы топорщились в разные стороны, демонстрируя полное недоумение от произошедшего.

Выполняя поступившую сверху команду, Шура – сын хозяина, приехавший по такому случаю в краткосрочный отпуск на помощь отцу, и его товарищ Николай своими мощными плечами подперли калитку снаружи. Кабан, придавив меня к изгороди, терся мордой, поворачивая её то вправо, то влево, поочередно – о землю, о штакетины и о мои парадные брюки, оставляя на них кроваво-грязные полосы. Давление со свинячьей стороны нарастало, но хлопцы крепко держали калитку с внешней стороны, не выпуская ни меня, ни кабана. В моей голове, как в загоне, металась одна мысль: укусит – не укусит? а если укусит – откусит или не откусит?..

Визг, писк, крики, мат, громкий лай сидящего на цепи Валета, грязь из-под копыт кабана, яростный напор одуревшего от страха и гнева животного, искавшего путь к бегству – таким запомнилось нам то солнечное морозное утро ноября 1974 года на хуторе близ Чугуевки.

Чугуевка – удивительное место, расположенное в Улахинской долине в центре Приморского края, окруженное со всех сторон горной системой Сихотэ-Алиня. Всего-то 350 километров на «скором» поезде Владивосток – Чугуевка, состоящем из одного, далеко не пульмановского, вагона, и ты попадаешь в удивительный и разнообразный мир: вековые дубы, березы, сосны, орешник, пихта, клен, обильно переплетенные лианами лимонника; косули, изюбры, кабаны, медведи, волки, зайцы, лисицы и, конечно же, уссурийский тигр! И в лоне этого неповторимого волшебного мира трем курсантам 13-й роты – Терешину Виталию, Петелину Николаю и автору этих строк – предстояло провести два дня и одну ночь у родителей однокурсника Шуры Мудрого, пригласившего

нас «на праздник свеженины», в подготовке которого мы должны были принять самое непосредственное участие. Праздник начался уже через два часа после нашего приезда...

...Кабанчик вдруг как-то странно дернулся, неожиданно сменив тональность визга, резко развернулся и понесся в сторону стайки, взбрыкивая увесистым задом. Одного взгляда на этот удаляющийся зад хватило, чтобы понять – ситуация в корне меняется: под хвостом у хряка, из самого укромного места торчал – очевидно, причиняя боль и иные неудобства, – дымящийся бычок «Беломора». Влетев в стайку, кабан крупом начал чесаться о стойку. Прогремел выстрел. В этот раз Федор Дмитриевич не промахнулся...

Разгоряченные, мы стояли в загоне, курили и громко обсуждали события последних минут.

– Да замолчи ты! Ишь, как разошелся, – прикрикнул Шура на бесновавшегося на цепи здорового пса по кличке Валет. – Батя, я же просил дать ружье мне, а ты – «опыта мало»! Если бы не мы с Николаем, сейчас бегали бы за ним по всей округе! – возмущался Мудрый-младший.

– Ну, дело сделано. Бывает... А ты не шибко-то на отца голос подымай! Никто не застрахован. Он мордой вильнул – и пуля ушла вправо! – оправдывался отец. – А вы молодцы! Кто это додумался окурочку ему вставить?

– Да как-то автоматически получилось, – улыбаясь, ответил Николай. – Бычок хотел было выплунуть, и тут – он! Я, недолго думая, и пригасил его. Витьку было жалко и его парадные брюки. Что там от них осталось, Витек?

– То, что осталось, нужно приводить в порядок, – невесело ответил я, щепкой пытаюсь отковырять от штанины комки грязи.

– Тю, не расстраивайся! Иди-ка в баньку, брюки сними, а я сейчас хозяйке скажу – она мигом брюками займется. А тебе мы что-нибудь съедем из моих парадных деревенских, – сказал мне хозяин и направился в дом.

– А ты чего в загон-то полез? Твое место было здесь, с нами. Мы же четко определились – кто где стоит и что делает! – громко недоумевал Шура.

– Да вот спроси дурака! – нервно парировал я. – Сам не пойму, какого рожна туда пошел...

– Александр, привет! С приездом! А батя где? – прервал наш спонтанный «разбор полетов» подошедший мужчина из местных. – Ты надолго?

– Дядь Женья, привет! В дом пошел, сейчас выйдет, – ответил Шура. – На пару суток с десантом вот – родителям помочь. А у вас как?

– Да никак – убежал, зараза! Пока готовились, проломил изгородь – и в тайгу. Сейчас вот с мужиками поедем. Митрич, – обратился он к подошедшему хозяину, – ты мне мотоцикл не одолжишь? А то на одном будет несподручно... Магарыч за мной!

– Дело нужное! Шурка, выкати «Урал».

Глядя вслед отъехавшему соседу, хозяин озабоченно произнес:

– Главное, чтобы его тигра раньше не нашла. Четыре года назад вот так же убежал, а наутро только остатки нашли.

– И такое бывает?! – задал вопрос Терешин.

– Да они у нас постоянно бродят. Долина же – ветра нет, зимой не так морозно, косули, олени частенько выходят на поля кормиться, а нынче вот поросята визжат – их визг слышно далече. Наверное, и сейчас где-нибудь на сопке в укромном месте лежит тигра и облизывается. Ждет своего часа. Стемнеет, подойдет ближе и все отходы, что за поскотиной у речушки будут выброшены, съест либо унесет.

– И ничего не боятся?

– А чего им бояться? Хозяин тайги – он и есть хозяин! Собаки на привязи, а когда псина одна против тигра, она не лает – либо боится его, либо под гипнозом. Случаи были – собаку уносит со двора вместе с будкой, а она молчит, не пикнет. Когда тигра у деревни, в деревне тишина. Вот хоть наша псина, Валет – здоровый, смелый кобель, а в прошлую зиму тигра дважды подходила к дальнему забору, следы оставила – он молчал всю ночь, даже не тявкнул.

Наш дом крайний, за изгородью через двести метров речка и тайга пошла. Если повезет, к утру натопчет следов. Снег свежий, хорошо будет видно.

– А слепки можно будет воском отлить?

– Нее, это только летом. На снегу не отлить, воск горячий – снег поплывет.

Мы переглянулись – мол, веселое дело пообщаться с таким гостем ночью на хуторе...

– Ну, да ладно! Перекурили? Шурка, ты иди в баню, подбрось и пошевели, чтобы там пожарче было. А вы, хлопцы, помогите мне кабана на разделочную переместить. Пока я его свежевать буду, попаритесь, а потом обед.

Нашей поездке в Чутуевку предшествовал недельной давности разговор отца и сына Мудрых по междугородному телефону. Отец просил Шуру приехать на выходные с друзьями – «...как прошлый раз, когда картошку копали». Так, мол, мы с матерью неделю быковырялись, а с вашей помощью два дня. Вот и сейчас – кабанчик крупный, центнера на полтора, боюсь, дескать, один не справлюсь.

– Батя, мы приедем и поможем – не волнуйся! В следующую субботу утром нас встречай. Только к тебе просьба – все, что мы раньше готовили, чтобы ребят удивить нашей природой, проверь, подготовь по высшему уровню! Чтобы и комар носа не подточил! Я тебя очень прошу – потратить время, но сделай, как надо!

– Хорошо, Шура, не переживай. Будет видно хорошо, как в кино на первом ряду!

– Ну, тогда, батя, все! Встречай в субботу!

– Добре, сын!

...Крупный молодой самец тигра проснулся в своем логове, располагавшемся в скрытой расселине под большим камнем на

сопке Облачной, прикрывающей долину от северных ветров. В последнюю неделю охота на этой части его владений была удачной, и зверь не торопился покидать уютное место, с любопытством наблюдая за суетой человеканика там, внизу.

А внизу Чугуевка жила своей жизнью. Топились печи, народ сновал по делам, визжали пилы, стучали молотки, кто-то шел в тайгу, кто-то – в обратном направлении. Дрова, сено, дым и белый мягкий снег. Аромат парной свинины и запах крови, поднимавшиеся из долины второй день подряд, сильно волновали молодого самца.

Зверь потянулся, прогнув спину, и, царапая когтями передних лап ствол старого дуба, раскрыл пасть и негромко зарычал. Инстинкт ему подсказывал – рано, рано еще идти вниз на запах крови, чуть позже, когда сумерки поползут по склонам сопки к вершинам, вот тогда и наступит час легкой охоты.

Зверь еще раз зевнул, лег на опавшие листья, опустил морду на сильные передние лапы и... заснул.

Вот и окаянная суббота. Поезд прибыл на станцию назначения еще затемно. Встреча, знакомство – и мотоцикл «Урал», просевший под тяжестью пяти седоков, медленно пополз по скользкой грунтовке в сторону хутора.

Спустя полчаса мы въезжали в родовое гнездо Мудрых. «Соток тридцать», – подумал я, оглядывая огромную дворовую территорию. Рубленый из могучих бревен дом располагался в центре двора, напоминая своим видом средневековый замок. Количество сараев, стоек – не счесть.

– Крепко живут! – как бы продолжая мою мысль, вслух сказал Виталий Терешин.

Метавшийся по двору недоброго вида здоровенный пес, виляя хвостом и поскуливая, бросился, насколько позволяла цепь, к Шуре. Встреча была волнительной для обеих сторон.

Позавтракав и поспав с дороги пару часов, провели дислокацию на местности, переоделись в рабочую одежду – кому удалось подобрать что-то подходящее по размеру и росту – и подошли к стайке, где взволнованный кабанчик пытался пробить стенку, сотрясая ее изнутри сильнейшими ударами.

– Беспokoится, – сказал Федор Дмитриевич. – Значит так – я с ружьем напротив входа, ты (он указал на Терешина) – открываешь дверь сарая и сразу же после выстрела накрепко закрываешь. Ну, а ваша задача – не дать ему возможности в случае чего этому случаю свершиться – из загона он убежать не должен! Ясно? Пошли...

Как вы догадались, минут через сорок дело было сделано: кабанчик висел на разделочной треноге, а мы, оказав первичную помощь в свежевании, пошли в сторону бани.

Баня встретила нас теплым радушием, запахами трав и духмяных веников, жаркой парной. Шура на правах хозяина начал потихоньку поддавать парку, черпая горячую воду из большого таза, в котором запаривались веники. Вскоре на полке сидеть стало уже невозможно, а Шура продолжал поддавать в том же ритме – помаленьку да помаленьку. Пот бежал с нас градом, уши сворачивались в «трубочку», обитая липой парная накалилась до такой степени, что сидеть голыми задницами на отполированных до блеска досках полка было невозможно. А Шура в шапке и рукавицах все поддавал и поддавал...

Я вылетел из парной первым, окатил себя холодной водой, крикнул и перевел дух.

– Вот это да! – только и сказал вывалившийся вслед за мной Терешин, шевеля усами, как таракан. – Вот это банька! Нам бы в училище такую!

Последним вышел Шура.

– Ну что, париться-то будем или как? – он держал в каждой руке по венику и мягко похлопывал ими себя по бедрам.

- Пару минут передохнем – и на полок, – закивали мы дружно.
- Я тогда пойду зачну, а вы присоединяйтесь.

Нам хорошо было слышно, как он, зайдя в парную, плеснул на камушки ковшиком водички, крякнул от удовольствия и... пошел хлестать себя вениками – ритмичные шлепки ложились густо.

– Во дает! – воскликнул Терешин, – никогда бы не подумал, что Мудрый такой отчаянный парильщик.

По звукам, доносившимся из парной, мы поняли, что Шура еще поддал парку.

– Пойду-ка я гляну, как он там, – Терешин встал, решительно подошел к двери парной и резко ее открыл.

То, что он увидел, заставило его усы принять форму крайнего удивления!

Шура сидел на лавочке, держа в правой руке веник – им он мягко и осторожно «пари́л» отполированные доски полка, а в левой – ковш с холодной водицей, ее он брызгал на себя по мере необходимости.

– Это ты чего? – возмущению Терешина не было границ. – Вы посмотрите, гости дорогие, на эту чуду-юду! Нам твердит, что завзятый парильщик, что жить без бани не может, а на самом деле – прямое очковтирательство! – продолжал Виталий, яростно жестикулируя. Усы торчали в разные стороны, что прямо свидетельствовало о крайней стадии недоумения их хозяина. – В то время, когда весь советский народ, все прогрессивное человечество борется за чистоту тела и духа, вы, товарищ Мудрый, позволяете себе нагло обманывать своих товарищей, при этом возможно имея на своем теле и голове жалкие остатки недобитых буржуазных сатрапов, то есть вшей! Ату его, ребята! Холодненькой его!

Он схватил стоящее рядом ведро с холодной водой и одним махом опрокинул его на Шурика, так и оставшегося сидеть на лавке со своим «реквизитом». Тот подскочил, пытаясь выбраться из парной, но мы, используя полученный опыт борьбы с кабанчиком, не дали ему выбраться на оперативный простор, а загнали на верхний полок и, оскорбленные его поведением в настоящем,

в назидание на будущее отходили как следует березовыми и дубовыми вениками по всем попадавшимся под руки и веники местам!

Шума и веселья было много, вся холодная вода использована, потрепанные веники напоминали тощие метлы городских дворников, а мы продолжали ими жарить друг друга! И то – в бане генералов нет!

С разомлевшими от пара, веников и ныряния в белый пушистый сугроб телесами мы вошли в большую комнату хозяйского дома и... обомлели, увидев накрытую «грядку». Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – в гостеприимстве и хлебосольстве семейство Мудрых пределов не признает...

Большой круглый стол напоминал готовый к строевому смотру войсковой праздничный парад на плацу. В центре, как и положено, – четверть первача – чистого, как капля утренней росы; справа – темные настойки первача на кедровом и маньчжурском орехе, слева – светлые цветные: на облепихе, женьшене, калине, лимоннике. Это все напоминало группу генералов, принимающих торжественный марш. Чуть поодаль – любопытная «женская» группа – легкие ягодно-плодовые настойки. Затем – построенные ровными рядами соленые огурчики и грибочки (хрустящие!), капусточка бочковая с яблоками, сальце всех видов: копченое, соленое в натуральном соку и в рассоле; местная речная форель, запеченная в муке и жареная, селедочка тихоокеанская с отварной холодной картошечкой. Отдельно стояла тяжелая артиллерия – блины! Блины с маком, со сметанкой, с желе из ягод и просто с маслицем!

Мы не заставили себя долго упрашивать и по команде «За стол!» расположились вокруг этой красоты, готовые к суровым испытаниям строевого марша!

Часа через полтора, после напряженной работы вилками, ножами, стопками, ртами и руками еще и над огромными кусками жареного мяса, а также активного мужского общения

с «генеральской свитой», мы отползли от парадного плаца и богатырский сон сморил наши курсантские головы.

...Смеркалось. Мы вновь за столом. С наслаждением пьем настоящий на травах чай и решаем вечную проблему российской интеллигенции – что делать? Шура так прямо и сказал:

– Ну что, интеллигенты сраные, может растрясемся – сбегает в местный культурный центр на занятия танцевального кружка?

– А что? Идея хороша, подкупает новизной и свежестью предстоящих отношений. Прошу высказываться, товарищи курсанты, – обратился Терешин ко мне и Николаю.

Коля, философ по жизни, а особенно – в сфере взаимоотношения полов, яростный любитель красивых женских ног, чем-то напоминавший известного русского поэта своими курчавыми темными прядями, хитро сверкнул глазами:

– Я – за! Нужно на всякий случай проверить отношение представительниц местной интеллигенции к морской форме и, главное, к курсантской душе!

– Я с Николаем! Надо парня подстраховать – неизвестно, как поведут себя народные массы, увидев такой десант! – я кивнул головой и попытался щелкнуть друг об друга голыми пятками.

– Тогда слушай мою команду: через полчаса построение на крыльце, форма одежды парадная, бриться до синевы, и чтобы ботинки блестели, как сопки на морозе! – Терешин старшинским голосом отдал приказ и, довольный собой, ласково потрепал усы.

Сумерки сгущались, тени ползли вверх по сопкам, ночь обещала быть тихой, лунной, морозной.

Тигр проснулся в своем логове. Глухо урча, зевнул, широко раскрыв пасть, сделал растяжку – встав на задние лапы, когтями

передних провел по стволу дуба – раз, другой, на землю посыпалась кора. Медленно повернулся и посмотрел вниз, в сторону хутора. Все было как обычно, ничего не вызывало у него чувства опасности. Постояв несколько минут, он осторожно, по-кошачьи тихо начал спуск в долину...

По дороге в «культурный центр» Шура посвятил нас в особенности демографической обстановки на хуторе: вся молодежь, особенно лица «мужеского полу», уехала на поиски лучшей доли в другие города и поселки. «Девчата... да что тут говорить, сейчас сами все увидите», – сказал он и распахнул массивные, с тяжелым скрипом, двери культурного центра.

Да, обстановка была сложная. На занятия танцевального кружка собрался весь цвет хуторских девчонок от... и до... лет, и не столько потанцевать, сколько посмотреть на курсантов, слух о приезде которых весь день будоражил девичьи сердца.

Сбросив шинели, прошли в зал. В полумраке плавали звуки музыки – их производил старенький пленочный магнитофон «Маяк», стоявший в углу на стуле, на другом стуле лежало с десяток бобин. Под мелодию Поля Мориа две девичьи пары медленно танцевали, вдоль стен стояло еще человек десять женского пола.

– Есть где развернуться и в тихой бухте постоять, хотя якорь явно не бросишь, глубина не та! – негромко прокомментировал увиденную картину Николай, достал гюйс, пристегнул его к парадной темно-синей фланели – как знак готовности к знакомствам – и дал полный вперед.

– Ты осторожнее там, – так же вполголоса предупредил его Шура. – Я смотрю, тут некоторые живут километрах в пяти от тихой бухты, а такси у нас не ходят даже днем, а ночью – тем паче. Как бы вплавь не пришлось добираться!

– Ясно, – пробурчал в ответ Николай и двинулся в сторону магнитофона – на музыку.

Пойс – форменный темно-синий накидной воротник с тремя белыми полосками, который пристегивался двумя пуговицами к фланели. Чтобы под шинелью гюйс не мялся и всегда хорошо выглядел, его предварительно снимают, укладывают особым способом и помещают на плече между тельняшкой и фланелью.

Около полуночи магнитофон выключили. Девушки посмотрели на нас, мы – на них, и... стороны разошлись при обоюдном согласии без взаимных претензий и потерь. Ночная мгла поглощала субботний вечер, улицы, деревья, дома, одинокие лампочки, горящие у ворот. В отличном настроении все вчетвером возвращаемся на окраину поселка, где уже много десятков лет замыкает строй домов добротное хозяйство Мудрых.

По дороге вспоминали события прошедшего дня. Практически подходя к воротам дома, Терешин вдруг заметил:

– Тихо как... а почему так тихо в нашем углу? – при этом он вопросительно посмотрел на Шуру.

И действительно – на другом конце улицы лаяли собаки, а у нас – тишина, только снег скрипит под ногами. Даже Валет не выскочил навстречу. По выражению наших лиц было понятно – думаем об одном! Тигра, не иначе как тигра бродит где-то рядом и, возможно, что во-о-н из-за тех кустов наблюдает за нами, размышляя над дилеммой – кто вкуснее.

Постояв для форсу пару минут у крыльца (не побежали, не дрогнули, не испугались!), гордые собой, мы не спеша вошли в дом. Одно слово – молодцы!

Шуру в сенях задержал отец, они что-то негромко обсуждали. До нас доносились только обрывки разговора:

– Да, все сделал, – говорил отец. – Отходы на поскотине... прошел... и это приготовил. Это не знаю, не я. К утру будет ясность...

Вечерний чай – и спать! Но... организм не спрашивает, когда можно по нужде – когда нужно, тогда и нужно. И не важно – можно или не можно.

Шура, видя наше неловкое замешательство, с улыбкой сказал: «Мужики, не мучайтесь. В сенцах ведро, так вы туда – и порядок. Утром выльем». А надо сказать, от крыльца до туалета метров пятьдесят – удобно, свободно, но... когда собаки лают. А когда молчат?..

Скользящей серой тенью тигр пересек открытое пространство у реки и оказался в двадцати метрах от крайнего дома. Вокруг было тихо. Запах крови его манил все сильнее и сильнее. Он продолжал бесшумное, очень осторожное движение вперед... Где-то слева слышались голоса, смех, едкий запах табака, из-за угла дома вышли люди...

Первыми «до ветру» отправились мы с Терешиним. Вышли на крыльцо. Чудесная ночь: небо чистое, луна ярко освещает укутанные снегом деревья, морозный воздух замер, дышится легко и свободно. Для нас, прошедших несколько последних зим на Эгершельде, где располагалось училище, с его бесконечными ветрами, снежными зарядами, это напоминало волшебную сказку из детства. Не спеша подошли к нужнику. Терешин зашел внутрь, а я тем временем закурил, повернувшись в сторону речушки.

Твою мать! Какая-то длинная серая тень метнулась бесшумно к поскотине от края ограды. Что-то внутри меня опустилось, засало под ложечкой, и я молча ввалился к сидящему на корточках Терешину.

– Ты чего? – от возмущения у того даже усы встали дыбом.

– Тише! Там кто-то есть! Только что промелькнуло! – в ответ зашипел я.

Мы стали искать в стенах какую-нибудь дырочку, чтобы оценить происходящее снаружи, но у хорошего хозяина и нужник крепок и надежен.

– Выкинь ты свою папиросу – твой огонек с того берега реки видно! – продолжая искать щель, недовольно пробурчал Петрович.

– Мужики! Вы где? – это Коля вышел на крылечко. – Куда попрятались? – еще громче крикнул он и направился в нашу сторону.

– Дай я хоть штаны подтяну, а то сейчас и он еще сюда завалится, а завтра в местной газете некролог: «...их нашли в нужнике, даже штаны надеть не успели...»

Выглянув из приоткрытой двери, я молча замахал Николаю рукой, жестом давая понять, чтобы он уходил обратно в дом. Свободного места у нас не было.

– Не понял! Что ты мне там показываешь? – хорошо поставленным голосом здорового сибирского парня ответил Коля, продолжая движение. Остановившись на секунду, чиркнул зажигалкой и... замер. Через пару мгновений он был уже рядом с нами.

– Вы чего молчите? – начал он. – Там кто-то есть! А доски-то совсем тонкие – такие от тигра не спасут!

– Да тише ты! От такого гостя и кирпичная стена не спасет, а доска – так, для антуража. Нужда заставит – в выгребную яму полезем, там он нашего запаха не учует, – не то в шутку, не то всерьез сказал Петрович. – Хорошо, что хозяин на размере сортира не сэкономил, а то бы сейчас сидели друг на друге.

А между тем ситуация требовала каких-то действий – мы начинали подмерзать. Выскочили-то из теплого, натопленного дома всего на несколько минут в тельняшках, а на улице градусов десять морозца.

– Какие предложения, как нам дальше быть? – спросил Николай, ковыряя пряжкой ремня доску в поисках щели.

– Пока вижу один вариант – найти дырку и осмотреться! А то всплывем, как подводная лодка, – а там ждут сюрпризы, – мудро изрек Терешин.

– Это ясно! Я про оправиться...

– Ну, тут два варианта: либо в очко, либо в карман товарища. Но сразу скажу – я свой карман не подставлю, а то поутру нас найдут, ты беленький, а я... Так что давай меняться местами.

Наша увлекательная дискуссия была прервана шумом, раздавшимся где-то в районе поленницы – было похоже, будто с нее скатились несколько чурок.

– Тише вы! – прошипел я. – Накаркаете! Точно будем героя некролога в местной газете. Двигайся, двигайся, Петрович! Ишь – сколько места занял. И ищем, ищем щель – надо оглядеться, а то я уже совсем замерз.

– Парни! Вы где? – с крыльца раздался голос Шуры. Мы не откликнулись, чтобы не дать зверюге обнаружить наше убежище. – Спрятались, что ли? Выходите, никого тут нет.

В тот же момент мы ясно услышали со стороны сарая, где еще утром обитал кабан, какой-то хруст. Сразу после этого хлопнула входная дверь.

– Шурка ушел, что ли? Сачканул? А еще друг называется, в гости привез! – в сердцах прошипел Терешин.

– Есть! Нашел щель! Сейчас расширю, – постукивая от холода зубами, доложил Николай, остервенело ковыряя пряжкой доску. – За нужником до леса чисто, стада тигров не наблюдается. А вот другая сторона не просматривается...

Тут снова скрипнула входная дверь и уже другим голосом Шура обратился к нам:

– Ребята, у меня в руках карабин и мощный фонарь. Я сейчас зажигаю фонарь, а вы по очереди с интервалом в две-три секунды бегите ко мне. У меня карабин на изготовке, если тигр появится, буду стрелять! Ясно? Начали!

Вспыхнул яркий свет, и я пустился было бежать в сторону крыльца, но, поскользнувшись на обледеневших досках, растянулся во всю длину, собрав попутно грязь тельником. Стартанувший следом за мной Терешин, обутый в ботинки на босую ногу, споткнулся об меня и упал рядом. Николай пронесся как стрела мимо нас, съязвив на ходу: «Что нашли? На троих?»

Вот, наконец, спасительное крыльцо. Отдышавшись и слегка отряхнув грязь, зашли в дом. Тепло, уютно, как будто и не было этого кошмара. В целях профилактики простуды Федор Дмитриевич налил первача. Блаженное тепло растеклось по телу. Спать, только спать...

Утром за завтраком хозяин задал жене вопрос – жучки, мол, древесные у нас, что ли, в досках завелись? В нужнике весь пол усыпан опилками, словно там десяток насекомых всю ночь стены грызли.

– Да какие жучки, когда на улице такой мороз! – ответила Евдокия Тихоновна. – Может, какая-то птичка туда залетела, искала себе корм и насорила. А жуки давно спят – мороз...

Мы молча переглянулись – не одна птичка, а целых три, и не корм искали, а сами не захотели быть кормом.

Но самое интересное старший Мудрый сообщил после завтрака – на снегу за огородами и у реки много следов. След свежий, тигриный. Зверь крупный. Полакомившись остатками кабачника, ушел за реку.

Быстро одевшись, пошли за хозяином, поминутно оглядываясь по сторонам – чем черт не шутит! Следов действительно было много. Я приложил свою форменную шапку к одному из углублений в снегу. След был больше. От такого не убежать...

В понедельник, возвратившись с ужина в ротное помещение, мы с Терешиным услышали, как Шура Мудрый громко рассказывал курсантам в курилке о нашей поездке. Смех было слышно по всей роте.

– Чего это они так хохочут? – недоуменно поинтересовался Петрович, и его усы вопросительно распушились.

А Шура увлеченно продолжал:

– У бати там все схвачено на веревочках. Когда нужно – тень промелькнет, когда нужно – дрова упадут! Летом на темном фоне деревьев не так заметно, а зимой – настоящий спектакль. Но чтобы втроем в нужник залезть – это нужно очень захотеть!

Старшина вошел в бытовку:

– Ты хочешь сказать, что тигра не было? Что это все розыгрыш? – наехал Терешин на Мудрого. Теперь его усы яростно топорщились в разные стороны.

– Парни, если честно, мы с батей и сами не поняли – часть следов точно он натоптал, а часть – тигр. Когда отец топтал отпечатки, звериных следов еще не было, они появились позже. К тому же остатки кабана, выброшенные за поскотину, исчезли, да и собаки всю ночь молчали... Странно все это!

Зверь еще раз взглянул из своего логова на хутор, зевнул, потянулся и медленно, уверенной поступью – как это умеют делать только тигры, пошел на север. Жизнь внизу его больше не интересовала. Снег искрился на солнце, птицы молчали, зверушки забились в норки, в тайге было тихо. Хозяин идет! ●

2022 год

Отпуск

Накануне

Лето, легко перевалив за середину июня, брало своё. Становилось все жарче и при практически стопроцентной влажности создавало у жителей и гостей Владивостока ощущение, что они находятся в предбаннике жарко истопленной бани. Пахло йодом и сохнувшей по берегам Амурского залива ламинарией, выброшенной морской волной на камни.

У курсантов Дальневосточного высшего инженерного морского училища имени адмирала Г. И. Невельского начиналась пора отпусков. Успешно сдавшие сессию, ознакомившись с приказом начальника училища о переводе на следующий курс, получали отпускное свидетельство и с ним – право на четыре недели отдыха! Рота за ротой, курсанты разлетались по городам и весям необъятного Союза – от Камчатки до Калининграда и Текелей, – где их ждали родители, невесты и школьные друзья.

...Раннее утро. В ротном помещении третьего курса судоводительского факультета тихо. Привычные слова: «Рота, подъем! Выходить на улицу, строиться на физзарядку! Форма одежды – голый торс!» – дневальный прокричит минут через десять. Можно немного поваляться в постели, всеми фибрами души предвкушая приближающийся отпуск. В ротах останутся лишь неудачники, провалившие экзамен или нахватавшие перед самым отпуском нарядов – их необходимо либо сдать, либо отработать, только тогда заветный отпускной приятно согреет курсантскую душу.

Игорь Каверзин – среднего роста, худощавый, веселый и неунывающий молодой человек, относил себя к курсантам-среднячкам. Вот и нынешний итог сессии: две оценки «хорошо» и трижды он «удовлетворил» преподавателей – его вполне устраивал. Взысканий серьезных не имел, команды и приказы командира роты и старшинского состава выполнял своевременно. Вроде бы все

в норме, но негативной – по мнению старшины – чертой его характера был «длинный» язык. Впрочем, тут их мнения расходились – то, что старшина называл излишней болтливостью, сам Игорь считал достоинством.

– Сначала говоришь, а потом думаешь над тем, что сказал. Не даст тебе твой язык спокойной жизни, укороти его! – говорил старшина, наставляя курсанта Каверзина. Любимой присказкой последнего по делу и без дела были слова: «Дядя плавал, дядя знает!» Как следствие, курсанты – известные любители приклеивать прозвища всем и всякому по случаю и без онога – прозвали его Дядей.

Дядя лежал в постели, а мысли были уже в родном Хабаровске. Матушка хлопчет по хозяйству, печет его любимые пирожки с картошкой, Ольга, с которой уже договорились на будущее лето о свадьбе, выбирает перед зеркалом наряд, в котором завтра будет его встречать на вокзале...

Дневальный вместо «Доброе утро» прокричал набившие за три года оскомину слова: «Рота, подъем!» Захлопали двери кубриков, курсантский народ побежал занимать места у гальюнов, а старшинский состав, поднятый дневальным на десять минут ранее, пошел зачищать кубрики, выгоняя курсантов на свежий воздух – на физзарядку. Начинался нудный, как осенняя морось, курсантский день. Но сегодня в воздухе почти осязаемо витало праздничное настроение – завтра отпуск! Народ шутил, курил, матерился по поводу и просто для выражения особого предотпускного состояния души. Пролетели подъем, физзарядка, приборка на закрепленных местах, завтрак, оставалось только ждать, когда начальник организационно-строевого отдела подполковник Пивоваров Константин Игнатьевич назначит строевой смотр. Среди командиров рот и курсантов бытовало мнение, что если смотр будет назначен до обеда – рота у руководства училища на хорошем счету, можно по итогам семестра ожидать призовое место в межротном соцсоревновании, а если после обеда, да еще, не дай бог, перед ужином, то пиши – пропало, роте следующие полгода придется несладко...

В ожидании минуты тянулись медленно, как японская жвачка. Те, кто приобрел билеты на вторую половину дня, нервно курили, кто-то доводил до совершенства парадную форму, кто-то просто ходил из угла в угол.

«Рота! Построение на строевой смотр в 10:40! Форма одежды – парадная! Построение у ротного помещения!» – раздались волшебные, магические слова дневального, и все пришло в движение. Зашумело, забегало, заулыбалось – лед тронулся! Атмосфера счастья прямо-таки накрывала роту!

Курсанты построены, старшина командует: «Рота, смирно! Равнение – на середину!» Из помещения вышел командир роты каптри Макухин в парадном кителе с кортиком. Для него это тоже праздник – немного отдохнуть от курсантских проблем, навести порядок в документации, чуть пораньше отчалить домой, где его ждали две очаровательные дочки. Приняв рапорт старшины, поздоровался с курсантами и приказал вести роту на строевой плац. Нарядно-парадная колонна под свист и улюлюканье выглядывающих из окон курсантов других рот с левой ноги тронулась в сторону отпуска.

Начальник ОРСО подполковник Пивоваров был на плацу ровно в 11:00. Незаурядная личность, пример для подражания! Образец морского офицера: высокий, стройный, одет с иголки, брюки и китель сидят великолепно, «корочки» начищены до блеска, – он снискал любовь и уважение не одного поколения курсантов своей порядочностью, справедливостью. Выполнив все положенные по такому случаю ритуалы, Пивоваров торжественно произнес:

– Товарищи курсанты! Вы славно потрудились в этом семестре, и теперь вас ждут четыре недели заслуженного отпуска! Хочь напомнить, что и в отпуске вы остаетесь курсантами, то есть лицом родного училища. Берегите лицо – и свое, и училища! По вашему поведению будут судить обо всем коллективе, о степени культуры, дисциплины, чести и достоинстве, ему присущих – помните об этом! Не совершайте неблаговидных поступков! И еще, – снизив градус торжественности, подполковник добавил: – По поручению

начальника училища обращаюсь с просьбой к тем, кто еще не спланировал свой отпуск. Погодные условия этого года способствуют бурному росту травы, вдоль периметра училища ее как никогда много. Есть ли желающие отложить свой отпуск на неделю с его последующим продлением и оказать помощь административно-хозяйственной части? Есть ли добровольцы косить? – теперь уже с улыбкой задал вопрос Пивоваров.

Рота молчит. И вдруг раздается чей-то голос: «А под кого косить-то?..» Рота нервно замирает. Раздавшийся голос узнали все.

«Ну и дурак!» – с досадой подумал про себя ротный старшина.

«Этого еще не хватало!» – вихрем пролетело в голове ротного командира.

«Ну, Дядя!.. Теперь держись!» – обреченно сник каждый курсант.

Этот необдуманный и очень глупый вопрос мог дорого стоить всем! Начальник ОРСО медленно прошелся вдоль фронта.

– Кто задал вопрос – выйти из строя! – негромко приказал он.

Дядя замер. Фраза вылетела как бы сама по себе – вот дурной язык! Рядом стоящий сокурсник Алик толкнул в бок: «Иди, зараза, у меня билет на самолет в Калининград через 4 часа!» Мысли в Дядиной голове бешено искали выход: «Выйдешь из строя – нарядами резанут отпуск, не выйдешь – получишь трепку от роты...»

Коснувшись правой рукой плеча впереди стоящего, он на ватных ногах вышел из строя на два шага, сделал поворот кругом и, стоя лицом к роте, громко сказал: «Курсант Каверзин!»

– Курсант Каверзин, отвечаю на ваш вопрос – лично вы будете косить траву! За нарушение дисциплины строя объявляю два наряда вне очереди! Завтра в 8:00 на развод в административно-хозяйственную часть!

– Есть – два наряда вне очереди, – упавшим голосом отпортовал Каверзин.

– Встать в строй! Командиру роты аннулировать отпускное удостоверение курсанта Каверзина до особого распоряжения!

Желаю хорошего отпуска, товарищи курсанты! Командир роты, ознакомьте курсантов с приказом начальника училища о переводе на четвертый курс, проводите строевой смотр и – в отпуск! – И подполковник пошел в сторону главного корпуса.

– Курсант Каверзин, выйти из строя! – начал ротный. – Вернуться в расположение роты и находиться там до особого распоряжения!

Всю дорогу до роты Дядя ругал себя последними словами, но воробей улетел, теперь не поймаешь! Праздничного настроения как не бывало! И пирожков с картошкой завтра ему не видеть как своих ушей. «Надо сообщить родителям и Ольге, что задержусь на три дня... Нет, это вечером, сейчас главное – что скажет командир». А отпуск был так близок!

Рота вернулась в казарму. В первую очередь, парни наспех пришивали заранее заготовленные четыре лычки на левый рукав парадной формы – все же четыре смотрятся гораздо солиднее, чем три. По нашитым лычкам опытные люди понимают – перед ними еще не морские волки, конечно, но вполне взрослые волчата, уже многое повидавшие, умеющие постоять за себя! Четвертый курс – это вам не тяп-ляп! Через полчаса ротное помещение опустело...

Разговор с командиром роты был коротким: «Курсант Каверзин! Вы завтра с 8:00 поступаете в распоряжение АХЧ на два дня! После отработки нарядов будет рассмотрен вопрос о вашем отпуске!» Вот так-то...

Грустно отужинав в курсантской столовой, едва дождаввшись вечерних сумерек, Дядя пошел в «самоход» к вокзалу, где находился почтамт – звонить родителям. Для пушей конспирации надел гражданскую рубашку и тайными тропками, по которым уже не один год курсантское племя бегало в самоволку, покинул расположение училища.

Разговор получился скомканным, можно сказать – не получился вовсе. Сказать правду не посмел, а только бубнил в ответ на расспросы матери, что задерживается на два дня, о причинах расскажет по приезду. Расстроенный, осторожно, теми же тайными

тропинками вернулся на территорию училища и... бац – при входе в ротное помещение столкнулся лоб в лоб с дежурным офицером! «Твою мать!» – пронеслось в голове.

– Товарищ курсант, вы откуда? Да еще с таким нарушением формы одежды? – строго спросил офицер.

«Расскажу все как есть, что тут оправдываться!» – благозарумно решил Дядя и поведал все, начиная со строевого смотра.

– Значит, так, – резюмировал дежурный, – о вашей самовольной отлучке промолчу, а вот о нарушении формы одежды утром доложить командиру роты. Пусть принимает решение о наказании!

Становилось уже совсем не смешно!

В ту ночь в ротном помещении кроме Каверзина осталось еще пять обиженных судьбой курсантов. Около полуночи, насмотревшись до тошноты телевизора, решили расписать «Тысячу». Одну партейку. Вчетвером ушли в дальний кубрик, и игра началась...

Отпуск. День первый

В четыре утра, закончив не одну пульку, побрели по кубрикам спать. Дяде снилось, что они с Ольгой гуляют по Амурской набережной. Приятный сон не хотелось прерывать, но чисто автоматически он взглянул на часы – 8:05! Развод в АХЧ! Эта мысль мгновенно выбросила его из-под теплого одеяла. Быстрее... быстрее... быстрее...

Несмотря на скорость, с какой он натягивал на себя форменную одежду (явно быстрее, чем в обычные курсантские будни!), на развод он опоздал, тот уже закончился. Обратившись к начальнику АХЧ, попытался исправить положение, но в ответ услышал:

– Вы, товарищ курсант, опоздали на двадцать минут! О вашем отсутствии уже доложено начальнику ОРСО. Идите и там решайте свои вопросы, у меня и без вас проблем выше головы!

В ОРСО разговор был краток – на первый раз замечание и... – в АХЧ, косить траву.

Завскладом открыл нужную дверь, за ней стояло штук десять литовок, сразу было заметно, что ими давненько не пользовались.

– Выбирай! – Нефёдыч сделал широкий жест рукой в сторону стоявших в углу кос.

– А как их выбирают?

– Что, никогда не косил?

– Нет. Я парень городской, в Хабаровске вырос.

– Вот эту возьми, она под твой рост, – Нефёдыч подал одну.

Дядя взял косу и решительно направился к зарослям травы. Много раз видел в кино, как в деревнях мужики, женщины и даже дети ловко и легко управляют с этим немудреным орудием сельскохозяйственного труда. Размахнулся от души и... чуть не упал – носок косы воткнулся в землю. Вытащил, попробовал еще – то же самое. За час работы он скосил от силы метра два, но устал невероятно. Коса явно не хотела работать как следует, нос постоянно норовил уткнуться в землю. Трава не срезалась, а по большей части сминаясь от взмаха косы, а там, где ее все же удавалось победить, скосы получались неровные – то ниже, то выше.

Намаявшись, решил идти к Нефёдычу менять косу.

– Почему не косит? Это твои руки не косят, а коса – она приложение к рукам. Так и быть, бери другую. Только, думаю, вряд ли у тебя что-то изменится. Если и эта косить не будет, приходи – попробую научить.

Еще час работы – результат тот же. Коса не косит!

– Нефёдыч, что за косы, – начал он. – Ни одна не косит.

Улыбнувшись и затаившись «Беломором», завскладом объяснил, что косу нужно сначала отбить, затем бруском пройтись – наточить, а уж потом косить. При этом держать инструмент правильно надо: пяточку прижимать, а нос, наоборот, немного кверху. Отбив косу, показал на газоне, как это делается. Коса шла мягко, срезая траву ровно – травинка к травинке. «А ты говоришь – не косит!»

К концу дня у Дяди даже что-то начало получаться. Но – руки в мозолях, спина колом, ноги еле передвигаются. Да, это тебе не в кино!

Вернувшись после трудового дня в роту, доложил командиру о вчерашней встрече с дежурным офицером. Командир с усмешкой посмотрел на него:

– О вашей «встрече» я знаю, читал суточный рапорт дежурного. Вы, курсант Каверзин, в отпуск не хотите? Ищете любой предлог, чтобы задержаться? Учтите, работы много, хватит на все четыре недели. А за нарушение формы одежды на территории училища объявляю вам наряд вне очереди!

В эту ночь он спал как убитый.

Отпуск. День второй

Дневальный разбудил Дядю, как и положено, в 6:50. Выбритый и настроившийся на предстоящую изнурительную борьбу с травой, в 7:50 он уже находился в АХЧ. Настроение было не очень. Назавтра предстоял еще один день отработки наряда, полученного вчера от командира роты.

Начав работать, к своему удивлению понял, что «не так страшен черт...» – к 11:00 была окошена такая же площадь, как вчера за весь день. Солнце жгло все сильнее, гордый за себя и за результаты своего труда на благо родного училища, снял робу, закатал брюки выше колен и присел в тенечке под дубом на перекур. Молодой организм быстро взял свое, и через пару минут он уже видел себя дома, рядом с Оленькой...

Резко, как по команде, открыв глаза, он увидел рядом начальника училища, совершавшего традиционный обход территории с начальниками АХЧ, ОРСО и прочей свитой.

– Это что за явление? – спросил тот недоуменно. – Вы мне твердите – трава быстро растет, курсантов не хватает на работы, а тут под самыми окнами ОРСО – лежбище отдыхающих от мирских дел курсантов! Разобраться и наказать моей властью! – дав поручение, пошел дальше.

Разбор полетов привел Дядю еще к четырем нарядам. Перспектива отпуска стала столь же далекой, как Земля Санникова.

Отпуск. День третий

Болело все тело. Руки, ноги, спина, но главное – голова! Что сказать домашним?! Как объяснить по телефону про свой язык и про катастрофическое стечение обстоятельств! Одно слово – «форсмажор»! Решил пока домой не звонить.

В этот день он работал со всей курсантской яростью: косил траву косой, рвал руками, топтал ногами, вырывал с корнем!

Ночью ему снился кошмар: он пытается дотянуться до своей Олечки, а между ними – трава! Чем больше он ее рвет и косит, тем больше ее вырастает! Её все больше, она все плотнее, а его Оленька все дальше и призрачнее!..

Отпуск. День четвертый

Выйдя из столовой после завтрака, Дядя направился сразу в АХЧ. По дороге его догнал запыхавшийся дневальный:

– Подожди, Дядя! Тебя вызывает командир роты. Приказано сразу явиться к нему!

«Ну, блин, – промелькнула «добрая» мысль, – чего еще там?»

– Не знаю, дежурный по роте велел тебя хоть из-под земли достать и немедленно к командиру! – заметив пробежавшую по его лицу гримасу, среагировал дневальный. – Видно, чего-то ты снова накосячил! – сделал он заключение и пошел в сторону роты.

Постучав в дверь и услышав в ответ «Войдите!», Игорь зашел в ротную канцелярию и с ходу начал доклад:

– Товарищ капитан третьего ранга! Курсант Каверзин по вашему... – и осекся. В углу на стуле сидел отец.

– Батя, ты? – спросил растерянно.

– Мать прислала на разведку, узнать, что с сыном происходит, – хмуро ответил отец.

– Батя, зачем?! Я же сказал – все дома объясню!

– Это ты матери объяснишь! А мне прикажешь тебя ремнем выпороть? Прямо здесь!

– Не горячитесь, – вмешался командир. – И, повернувшись к Дяде: – Курсант Каверзин, оставаться в роте до нашего возвращения. Ясно? Кругом, шагом марш!

Дядя вышел из канцелярии весь в поту.

– Ну, чего там? – спросил дневальный.

– Да еще пять штук прилетело! – ответил он.

– Ни хрена себе! Это-то за что же? – но Игорь уже не слышал, размашистым шагом топая туда, куда ему было приказано.

Через час его вновь вызвал командир роты. Отец находился здесь же, в канцелярии.

– Значит, так – вот вам отпускное удостоверение на 14 дней. Отпуск начинается с сегодняшнего дня. Отработку нарядов завершите после возвращения! Ясно? Роту можете покинуть прямо сейчас вместе с отцом! Вопросы? Вы свободны! – завершил командир и протянул курсанту отпускной.

На том, пожалуй, его злоключения в расположении училища и закончились. О том,

– как отец воспитывал его в поезде по дороге в Хабаровск,

– как его встретили мама и невеста Оленька,

– как он оправдывался перед ними, подпрыгивая, словно карась на сковороде,

– как произошло примирение,

– как по возвращении в училище он профессионально работал косарем, получив благодарность от начальника АХЧ

...возможно, вы узнаете в следующем рассказе.

Отпуск подошел к концу. Четвертый курс судоводителей возвращался в стены своей альма-матер, а у парадной лестницы с косой в руках их встречал и приветствовал загоревший, окрепший, стройный, а главное – молчаливый, умудренный жизненным опытом курсант Каверзин! ●

2020 год

От отбоя до подъёма

Не открою великой истины, если скажу, что наша жизнь, как зебра – полоса белая, полоса черная... Но в отличие от нормальных людей, у курсантов «полосы» четко привязывались к времени суток, деля жизнь на белую (дневную) и темную (ночную) половины.

Белый день тянулся долго и включал события и мероприятия, которые хоть и не всегда нравились курсантам, но в силу обязательности процесса обучения требовали посещения и личного присутствия. Завершением белой половины суток служила вечерняя поверка личного состава, когда курсанты пересчитаны и звонкий голос дневального дает команду: «Рота! Отбой!».

И наступает долгожданная ночь! Но если кто-то думает, что уставшие после напряженного учебно-трудового дня курсанты, получив сигнал ко сну, мгновенно разбредались по своим кубрикам и в ротном помещении наступала тишина, – он глубоко заблуждается. Справедливости ради уточню – все действительно так и было, но лишь на первом курсе – утомленный учебой, трудовыми повинностями, строевыми занятиями и другими важными и не очень делами и заботами курсант засыпал быстро и крепко. Но время летело, и семестр за семестром курсанты набирались жизненного опыта: увеличивалось количество лычек на левом рукаве – росло и умение курсанта распределять силы так, чтобы к ночи оставался «порох в пороховнице». Вот с этого переломного момента и начиналась вольная, интересная, яркая и насыщенная часть курсантской жизни.

Внутренний распорядок училища обязывал курсанта после команды «Отбой» проследовать в свой кубрик, расправить постель, снять верхнюю одежду, уложить ее соответствующим образом на стоящую у изголовья кровати баночку (табуретка – по-гражданскому), забраться под одеяло, принять удобное телу положение и спать до подъема, набираясь сил на день грядущий.

Было из этого четкого регламента исключение – личному составу разрешалось после отбоя заниматься самоподготовкой в Ленинской комнате, если не успел подготовиться к занятиям в дневное время. Чтобы встать пораньше и на ясную голову грызть гранит наук, необходима была запись в журнале дежурного: «Кубрик № 6, от входа первая слева кровать, курсант Н-сков. Разбудить в 03:00». И тогда хоть до самого подъема в ночной тишине постигай морские науки или изучай работы классиков марксизма-ленинизма. Правда, довольно часто случалось, что курсант продолжал видеть сладкие сны, несмотря на запись в журнале и неоднократные попытки дневального разбудить означенного там товарища – молодой организм сопротивлялся неурочным внешним воздействиям.

И все же чем ближе подступала сессия, тем большая часть курсантов уходила в ночные посиделки, стараясь наверстать упущенное.

Много – ох, много кто недосыпал, переписывая конспекты трудов классиков марксизма-ленинизма – преподаватели Харчева А. И., Добрюк К. И. и другие жестко требовали наличия таких конспектов у каждого курсанта, без них получить допуск к зачету либо экзамену было нереально. Желающих копировать выполненный давным-давно неизвестным курсантом конспект было достаточно много, а подлинных конспектов – мало. Как следствие – один конспект переписывался неоднократно, а чтобы плагиат не был раскрыт, даже эта механическая работа требовала творческого подхода в виде внедрения в исходный текст небольших изменений: пропускались или добавлялись слова, менялись местами предложения и абзацы, пропускались целые страницы. Порой конспект был абсолютно нечитаем, трудно было уловить, о чем идет речь в труде классика и даже – как эта работа вообще называется. Но главное – конспект есть, а что внутри него – дело личное, зависит от индивидуального восприятия. За содержание конспекта курсант готов был стоять насмерть, доказывая его исключительное качество. Что значит – не то содержание? – Но он именно так, а не иначе понимает заложенные в этот труд гениальные идеи и мысли.

Подлинные (исходные) конспекты как ценная реликвия передавались младшим курсам исключительно с целью их углубленного изучения в будущем семестре.

Другая группа товарищей уходила «в ночное», потому что не успевала подготовить по начертательной геометрии чертеж болта в трехмерном пространстве либо эпюру по сопротивлению материалов. Ох уж эти эпюрки (как их ласково называл преподаватель Боголепов Г. М.) – они ясно и... абсолютно непонятно показывали графическое изображение сил, воздействующих на тот или иной напряженный металл либо предмет. Изготовить чертеж – дело очень «времязатратное», а как раз времени-то у курсантов всегда не хватало. И здесь приходил на помощь особый курсантский «телевизор».

Как, вы не знаете, что это такое? – Для изготовления одного снимается оконная рама, устанавливается на две баночки, к стеклу снизу крепится подлинник эпюры, под ним устанавливается источник света, сверху на стекло кладется чистый лист ватмана. Верхний свет гасится, и в темноте на чистом листе ватмана проступают четкие контуры чертежа – остается взять карандаш и начать кропотливый процесс копирования. Все просто, но иногда неопытные курсанты и здесь допускали фатальные ошибки: между листами ватмана обязательно должно было находиться стекло, иначе графит от карандаша подлинника оставался на тыльной стороне копии, и стоило преподавателю перевернуть лист, как по наличию графита становилось ясно – это копия! Еще одна тонкость: использовать «телевизор» лучше в ночное время – качество чертежей получается лучше, чем при дневном свете. Отдельные личности, конечно, игнорировали этот нюанс, изготавливая копию с помощью оконного стекла и солнечных лучей, но это была грубая работа.

Кто-то из курсантов самым тщательным образом занимался формой одежды, стремясь обыкновенные парадные прямые брюки превратить в модные клеши. Вшивать клинья категорически запрещалось. Перед каждым увольнением – строевой осмотр, форма проверялась тщательно, и найденные клинья безжалостно

заставляли выпарывать. При этом встретить в городе курсанта в прямых брюках было большой редкостью. Понятно, что здесь был какой-то секрет – для превращения уставных брюк в брюки клеш чья-то умная курсантская голова и придумала «торпеду».

Как, вы и про «торпеду» ничего не знаете? – Речь не о тех боевых самодвижущихся снарядах, которыми топят вражеские корабли и субмарины, а о курсантском ноу-хау. Технология очень проста: берется кусок фанеры, ему придается форма трапеции. Размер верхней части – по ширине брюк в коленях, а нижней части – по желаемой ширине клеша. Затем брюки до колен пропитывают водой и очень медленно и осторожно, чтобы не разорвать швы, натягивают на эти самые «торпеды». Размокшая брючная ткань растягивается и при медленном высушивании штанины принимают форму «торпеды» – простые прямые уставные брюки становятся модными клешами. Чтобы их вернуть в исходное состояние, достаточно еще раз намочить и дать высохнуть. Этот нехитрый «лайфхак» не требовал никаких финансовых затрат, но как гордо расхаживали курсанты в таких клешах по Владивостоку! А потом в тех же брюках гордо шли на строевой смотр!

Ночь – самое время позвонить девушке или домой, если проживаешь во Владике. На территории ДВВИМУ был всего один телефон-автомат – в фойе главного корпуса, как раз напротив комнаты дежурного по училищу. После отбоя тут ловить кроме неприятностей нечего. Второй же находился буквально в десяти метрах, но... уже за границей допустимого свободного перемещения, у «Зеленого магазина». Там и собирались после отбоя курсанты, желающие пообщаться по телефону с любимыми и родными. Остороженько подходишь к магазину – словно антилопа к водопою, где в засаде сидит тигр, видишь, что все тихо и малоллюдно, лишь один курсант разговаривает по телефону. Ну, думаешь, повезло – очереди нет. Но тут из кустов раздается голос: «Очередь!» И опять все тихо. Задаешь в темноту вопрос: «Кто крайний?» Уже из других кустов появляется голова: «За мной будешь!» – и так же быстро исчезает. Все ясно, нужно ждать. Ищешь место, где можно растеряться в темноте, и ждешь своей очереди.

Еще ночь – самое подходящее время, чтобы отметить в кубрике – в узком кругу – день рождения или какой-нибудь национальный, профессиональный, религиозный или... – да какой угодно еще праздник. Одним словом – принять на грудь. Водочка разливается по граненым стаканам, стакан накрывается ладонью, сжимаешь пальцы и днищем стакана чокаешься. Звук, как будто под водой камушек о камушек постукивает. Во время таких мероприятий главное – не потерять бдительность. Дневальный предупрежден, что появление дежурного офицера должно быть озвучено громкой командой: «Дежурный, на выход!». Но и офицер не лыком шит! Быстро поднимаясь по лестнице, он на ходу прикладывает палец к губам, глазами давая понять дневальному – никаких команд, тишина! И начинает обход по кубрикам – тут уж, как говорится в детской считалке, «кто не спрятался – я не виноват». Водка, как и закуска, исчезает со стола в мгновение ока, все прыгают в постели и затихают. Офицер идет по кубрикам и проверяет, точно ли курсанты выполняют команду «Отбой», соответствует ли количество пустых кроватей количеству отсутствующих по уважительным причинам курсантов. Частенько бывало, что пустующих кроватей больше – значит, курсанты в самоволке, скоро будут возвращаться. К утру находятся все... Офицер доволен – приказ начальника ОРСО о направлении на хозяйственные работы дополнительных рабочих рук выполнен.

К слову о самоволке: традиционно для ухода с территории училища в самоход и возвращения из него курсанты пользовались протоптанной в незапамятные времена тропинкой, бегущей мимо бассейна, затем – круто вниз к бухте и далее вдоль берега к яхтклубу. Ее главное преимущество – она петляла в стороне от общежитий и не была освещена. Курсант в своей темно-синей фланели, черных брюках, бушлате либо шинели легко в случае опасности растворялся в темноте. Был курсант – нет курсанта. Другое дело, когда одета белая фланель. Она заметна издали, и скрыться от опытного взгляда офицера очень сложно. В том месте, где тропинка уходила вниз, чуть в стороне, под прикрытием бассейна, чья-то сердобольная душа соорудила крепкую скамейку – ее офицеры

использовали для ведения наблюдения за перемещением курсантов, а девушки – для встреч с томящимися в ротном помещении ухажерами. В первом случае действие происходило так: офицер, увидев возвращающегося из самоволки нарушителя, присаживался на скамейку и тихо ждал. Вот «жертва» поднимается по откосу, и тут раздаётся голос офицера: «Товарищ курсант, стоять! Я вас узнал!» Далее происходило установление личности несознательного товарища, в журнале дежурного делалась соответствующая запись и – пожалуйста отрабатывать полученные наряды!

Совсем иной сценарий, когда взамен офицера место на скамье у бассейна занимала девушка. Пришедшая навестить друга красавица поджидала на ней возвращающихся из города курсантов, чтобы попросить пригласить из такой-то роты Н-кова. Гонец заходил в ротное помещение, интересовался, здесь ли такой Н-ков, и просил передать, что его «там» ждут. Всем было ясно, где это «там» – за бассейном. Счастливчик мигом убежал на встречу, после чего парочка покидала условленное место, освобождая пространство для других.

Тихо и незаметно уйти в самоволку после отбоя – это лишь подделка. Важно так же тихо и незаметно вернуться в роту. Под утро измученные ночными прогулками курсанты осторожно пробирались на территорию училища. Почему измученные? – Поясняю: Владивосток расположен на извилистом морском берегу, по обе стороны весьма протяженной бухты Золотой Рог. Для судов такое расположение хорошо – тихая гавань, надежное укрытие от штормов, а курсантам, опоздавшим на последний паром (если, к примеру, твоя девушка живет на мысе Чуркина), предстояло топтать ножками до училища вокруг бухты, а это часа полтора ходу в быстром темпе. Да и с Баляева, где проживали студентки Дальрыбвтуза (Дальневосточный институт рыбного хозяйства) и ДВИСТа (Дальневосточный институт советской торговли), – тоже путь не близкий...

Ноги к утру гудят. Туда идешь пешком, потому что девушку провожаешь – растягиваешь удовольствие, а обратно – транспорт уже не ходит. Вот и шагают курсанты в утренней прохладе бодро в сторону училища. Сначала поодиночке, потом курсантский поток

набирает силу, в него вливаются ребята, возвращающиеся из других отдаленных районов. Но перед училищем группы «рассыпаются», и каждый добирается до ротного помещения самостоятельно.

Ну, вот и рота! Правда, времени на сон остается всего 50 минут. И кажется курсанту – голова только дотронулась до подушки, а дневальный уже звонким голосом подает команду: «Рота! Подъем!».

В общем, курсантские общежития гудели после отбоя, как растревоженные пчелиные ульи. Время от времени с постели поднимался разбуженный шумом старшина роты, несколькими нарядами наводил тишину и порядок, но через какое-то время «рой» оживал снова.

Окна кубриков общежития № 1, в котором располагалось наше ротное помещение, выходили одни – на юг, с видом на старые покосившиеся дома, а другие – на север, с видом на Амурский залив. Конечно, всем хотелось из окна видеть море. Но чтобы и «красиво», и «хорошо» одновременно – так не бывает. И вот первая зима. Курсанты, волею судьбы оказавшиеся в кубриках с видом на старый город, живут в тепле и уюте. А ряд кубриков, смотрящих окнами на залив, замерзает – спали курсанты, укрывшись всем, что было под рукой. Для полноты картины достаточно сказать, что если дул северный ветер, в оставленном на подоконнике графине вода за ночь успевала покрыться ледяной корочкой...

И еще об одном ночном «развлечении» курсантов хочется поведать. Несмотря на то, что мы находились на полном государственном обеспечении, нам еще полагалась и стипендия в размере чуть более десяти рублей. Естественно, молодому человеку этих денег не хватало, особенно если курсант обзавелся семьей. Проблема острой нехватки денег не волновала разве что только курсанта Невежкина, судоводителя из первой роты, – ему, Ленинскому стипендиату, полагалось сто рублей в месяц! Но это не просто редкое – единичное исключение. А потому все остальные искали всевозможные источники финансирования курсантских запросов. Кто-то находил ночную работу в порту, кто-то – на нефтебазе, кто-то – на хлебозаводе... Рабочая сила, а конкретнее – грузчики – нужна была везде.

Не знаю, как в других местах, а работа в порту была не сахар. Первый раз мы столкнулись с ПРР (погрузо-разгрузочные работы) после первого курса, находясь на практике в порту Владивосток. И попали на... сахар. Кубинский сахар-сырец, расфасованный по 100 килограммов в джутовые мешки, пройдя морем в трюмах судов по маршруту Куба – Владивосток, не только впитывал с десяток кэгэ влаги, но и «слеживался» – уплотнялся, принимая форму и прочность кирпича. Подхватить его руками было сложно – джут влип в сахар и тоже покрылся сладкой корочкой. Профессиональные грузчики работали «кошками» – специальными металлическими крючками, скрывавшимися в ладони. И хотя это запрещалось («кошки» часто рвали джутовые мешки), но грузчики – народ упрямый, плевали на запреты. У нас же в арсенале была только молодость и сила. Когда двое бросают тебе на спину стокилограммовый «кирпич», который нужно поймать, удержав равновесие, потом пройти несколько метров с поклажей на спине и аккуратно сгрузить ее на поддон, – это работа не для слабых. Особенно, если учитывать, что каждый мешок в отдельности весил больше самого курсанта (порой намного!). И так всю смену.

Но вернусь к вопросу зарабатывания денег... Конец четвертого курса. Перед сессией ко мне подошел Анатолий Г. и предложил в ночь сходить в порт – мол, знакомая сказала, что есть подработка – надо грузить вагоны. Что именно грузить – не уточнила. Главное – что работа есть и расчет сразу. Нас собралось шесть человек, в ночь мы выдвинулись в порт. Каково же было наше огорчение, когда мы узнали, что грузить в вагоны нужно... кубинский сахар-сырец в джутовых мешках по сто килограммов! Один ушел сразу. Другие, скрепя душу, остались. За первую ночь мы заработали по 12 рублей, за вторую – по 15. Больше не пошли. Думаю, причину объяснить не надо...

А вы говорите – тиха курсантская ночь! ●

2020 год

Киса

*Рассказ, основанный на реальных событиях;
все совпадения – абсолютно не случайны.*

...Светало. Дневальный беззаботно (с точки зрения внутреннего положения) и безнравственно (с точки зрения ответственности за порученное дело) сладко спал, сидя на баночке, обхватив тумбочку коленями и опустив голову на руки. Изначально он пытался слушать, как растут волосы на голове, но тональность и неторопливость этого процесса способствовали растеканию дремоты по всему телу, так что в конце концов сила воли разделилась на два понятия, и воля уснула. Мица – форменная фуражка с козырьком и «плевком» (по-курсантски – нежное имя кокарды, закрепляемой над козырьком в верхней части мицы) валялась рядом на палубе. Молодой здоровый организм, уставший от тягот службы и забот дневального, спал. Ему не повезло еще при заступлении на дежурство – по жребию досталась «собачья» вахта, с четырех до восьми утра – время самого сладкого сна, когда даже морская волна все медленнее накатывает на прибрежные камушки и ласково шелестит ими, приговаривая: «Спать, спать, спать...», – а курсантам снятся родной дом, мама с большой миской любимых пирожков, бережок тихой речушки, где его ждет любимая девушка, и конечно же, отпуск и прочие житейские радости.

Примечания автора

Любому здоровому мужскому коллективу всегда свойственно здоровое (ну, или хотя бы маленькое) чувство тонкого армейского юмора. Если этого чувства нет, значит – это не мужской коллектив либо он нездоров. Неважно, какие цели и задачи стоят перед коллективом, без чувства юмора он с ними не справится.

Одно из направлений развития мужского юмора – практика «награждать» отдельных членов коллектива вторым именем, или псевдонимом, или кличкой, или... Даже наш президент, попав по молодости в разведку, получил псевдоним, что было обязательным требованием. В 13-й роте таких требований не было, а вот здоровое чувство юмора было, так что остроумные курсанты постоянно находились в поиске наиболее точных (сегодня бы сказали – аутентичных) псевдонимов как для своих товарищей, так и для преподавателей.

Кто-то получал новое имя ежегодно, кто-то – одно на весь период обучения, кто-то – на всю жизнь. Юрий Ф., о котором далее пойдет речь, получил псевдоним Киса в курсантские годы с легкой руки будущего полковника милиции, и этим нехитрым именем его до сих пор называют бывшие однокашники.

Флегматик, глаза подернуты как бы пеленой, мягкие, плавные движения рук и ног, походка мартовского кота; выразительные, немного подкрученные вверх усы, – Киса всегда спокойно относился к любым событиям в роте, училище и стране в целом. При возникновении любой нештатной ситуации искал пути в тихую бухточку своего спокойствия, где бы никто и ничто не нарушало его уединения, а он лишь молча поглаживал бы свои усы, без которых его трудно представить, уводил в сторону глаза и всем своим видом давал бы понять: «Это не ко мне...» От рождения награжденный природой чувствительностью тонкого знатока человеческих душ, он кожей ощущал назревание какого-либо спора, умно, хитро и осторожно подогревал обе стороны, после чего уходил со сцены в тень, наблюдая за развитием событий и получая от происходящего исключительно положительные эмоции. И лишь изредка давал участникам «дискуссии» советы: «Ты его уципни!», «Смелее, у него уже нет аргументов», «Не отпускай ситуацию изпод контроля!»

По выражению его лица невозможно было понять, где витают Кисины мысли, о чем он думает. Эмоции были спрятаны очень глубоко. Лишь изредка из этой глубины наружу вырывались вопросы, ставившие окружающих в полнейший тупик.

– А у вас дома был красный диван? – вдруг ни с того ни с сего задавал Киса очередной из таких загадочных вопросов.

– Э... почему тебя это интересует?

– Просто интересно... – И больше к этой теме не возвращался.

...В ротном помещении было тихо, через открытые двери ближайших к посту кубриков слышалось молодецкое курсантское похрапывание, иногда сопровождаемое заблудившимся иком, проще говоря – пуком, результатом переваривания молодыми организмами не очень молодой капусты, приготовленной поварами на ужин в виде бигуса. Личный состав роты отдыхал. Отдыхал и дневальный, с каждой минутой превращаясь во все более злостного нарушителя дисциплины.

Дежурившему по училищу офицеру, изрядно уставшему от дневной суеты, тоже хотелось вытянуть натруженные за день ноги на кровати, стоявшей в дежурке, и немного поспать, но приказ начальника организационно-строевого отдела не давал ему такой возможности. Приказ прост – дополнительно направить 15 курсантов – нарушителей дисциплины на погрузо-разгрузочные работы в хозчасть. Если бы этот приказ прозвучал в начале либо середине семестра, когда все роты на месте, решение вопроса заняло бы не более получаса. Офицер давно носил погоны и по личному опыту знал, где его ждут нарушители. Но сейчас, в период летней сессии и начавшихся отпусков, курсант был уже не тот – мало того, что их в наличии мало, так они и в самоволки практически не ходят, им, видите ли, сессию нужно сдать...

Размышляя таким образом о своей и курсантской доле, офицер поднимался в 13-ю роту, ступая по бетонной лестнице столь мягко и осторожно, как подкрадывается к спящей жертве опытный охотник. Вот и вход в ротное помещение. Оп-паньки! Дневальный спит! Спит, обняв тумбочку, словно любимую девушку.

Офицер, бесшумно отодвинув щепку, приспособленную дневальным под замок, подошел к последнему и потрогал его за плечо.

Примечания автора

Родился Киса в семье военно-морского офицера, поездил по гарнизонам и вылетел наконец из родительского гнезда, свитого к тому моменту в поселке под названием Ольга, расположившемся в одноименной бухте – одной из красивейших в Приморье. До поступления в морское училище он успел год отучиться в медицинском институте, куда поступил по настоянию родителей. Не почувствовав тяги к докторскому делу, бросил учебу, забрал документы и... стал курсантом. Учеба в медицинском наложила свой отпечаток на его отношения с товарищами – он считал себя вправе давать любому заболевшему курсанту рекомендации по лечению, в основном сводившиеся к следующему правилу: если заболел – три капли воды на стакан водки три раза в день, если не помогает – количество воды резко сократить.

Киса – а это был именно он, никак не отреагировал на прикосновение дежурного офицера. Ему снилась родная бухта Ольга, прекрасный солнечный день, девушка по имени Ирина. В этот конкретный момент, во сне, он был вдали от училищной суеты и не понимал, кто и зачем пытается разжать его руки, обнимающие девушку.

– Товарищ курсант! Да проснитесь же вы! – всё настойчивее тряс его за плечо дежурный офицер. – Ну и горазды вы спать на службе! Так и Амурский залив унесут, а вы и не услышите! Да вы руки, руки-то от тумбочки отцепите, что вы ее как девушку обнимаете, поднимите мицу, приведите себя в порядок и доложите, как положено!

Медленно освобождаясь от уз сна, Киса с каждой секундой все яснее осознавал тяжесть содеянного проступка. Курсантская интуиция подсказывала – нужен отвлекающий маневр, пускать

ситуацию на самотек нельзя, огребешь по полной программе. Нахлобучивая мицу, он принимает решение идти на абордаж, здраво рассудив, что только атака может спасти ситуацию. Вытянувшись по стойке смирно, набирает полные легкие воздуха, вскидывает правую руку к козырьку и буквально обескураживает офицера, рывкнув во всю мощь своего голоса:

– Рота, смирно! Дежурный – на выход!

Спавший, как и положено, в верхней одежде дежурный по роте подскочил от неожиданности и не понимая, что происходит, выбежал в коридор, посмотрел налево, посмотрел направо и бросился навстречу дежурному офицеру, одной рукой на ходу поправляя гюйс, а другой – ремень, зажимая при этом под мышкой журнал дежурств и мысленно готовясь к рапорту. За три метра (стро-го по регламенту!) перешел на строевой шаг и, громко топая, приложив правую руку к голове, еще громче начал:

– Товарищ офицер!..

– Тихо, тихо, не кричите, а то сейчас роту поднимете и еще, глядишь, построение объявите. Почему дневальный спит на посту? Почему не проверяете и не контролируете? – строго поинтересовался офицер.

В это время из кубриков в коридор уже потянулись заспан-ные курсанты, разбуженные громкими командами и топаньем по паркету. Подошел и ротный старшина – в тельнике, черных тру-сах и домашних тапочках на босу ногу.

– Товарищ офицер, старшина роты Т-кий, что происходит? – обратился он к офицеру.

– Не знаю, что у вас здесь происходит! Пытаюсь разобраться, почему дневальный спит на посту.

Дневальный отрицательно замотал головой, глядя на офи-цера и старшину честным, невинным взглядом и все стройнее вытягиваясь во фрунт.

– Товарищ старшина, я не спал! Сидел на баночке, не отри-цаю. Дневальный в ночное время имеет право часть дежурства проводить в положении сидя, – начал направлять беседу в нужное русло Киса.

– Помолчите, дневальный, с вашими правами и обязанностями разберемся чуть позже! – резко оборвал его старшина, вновь поворачиваясь к офицеру. Тот возмущенно продолжал:

– Как это – вы не спали? Я что, слепой? Спящего курсанта от бодрствующего не отличу? Когда я вас тряс за плечо, вы тумбочку с девушкой перепутали, сопротивлялись, не хотели с ней расставаться! Романтик, одним словом...

– Мне, конечно, неловко поправлять старшего по возрасту и по званию, но истина есть истина! Вы тихо подошли, дернули меня за плечо так, что мица слетела, я ее поднял и встал перед вами по стойке смирно!

При этих словах Киса сдвинул лопатки за спиной, согнул руки в локтях, развернув кисти ладонями вверх, растопырил усы, широко распахнул глаза, всем своим видом как бы говоря: «За что же Вы так меня, товарищ офицер?»

Между тем, курсанты все продолжали подтягиваться к месту спора, отдельные даже предлагали пари, чем завершится эта словесная дуэль. Всем было интересно, удастся ли проштрафившемуся дневальному выйти сухим из воды.

– Так, всем разойтись по кубрикам и спать! Старшинам групп проверить отбой, через десять минут доложить! – громко обратился к собравшимся старшина роты. И, повернувшись к дежурному офицеру: – Товарищ капитан третьего ранга, давайте пройдем в бытовую комнату и спокойно, без посторонних ушей и глаз, разберемся. Завтра день очередного экзамена, и не хотелось бы, чтобы курсанты в своих возможных промахах винули беспокойную ночь.

– Да тут и говорить-то особенно не о чем! Дневальный безмятежно спал, и дежурный по роте спал. Вот вы и разбирайтесь утром с ними, еще и командира к этому не забудьте привлечь! – резко повернувшись, офицер пошел на выход. Ему было жаль потерянного зря времени, но делать в этом помещении больше было нечего. Рота взбудоражена, все начеку, выявить здесь и сейчас хотя бы одного курсанта-нарушителя – сложная задача.

«Пойду проверю другие роты», – решил он и направился к общежитию № 3, где располагались роты электромехаников. А там уже надрывно звенели телефоны: «К вам гости! Встречайте!»

Зайдя в тень, отбрасываемую общежитием № 3, офицер прошел вдоль здания и направился к общежитию № 1. Увы, этот маневр курсантской стороной остался незамеченным, как следствие – задача, поставленная перед ним вышестоящим начальством, через час была успешно выполнена. Назавтра, а вернее сказать – уже в тот же день на работы в ХОЗО выйдут дополнительно 15 курсантов-судоводителей.

Но вернемся в 13-ю роту. В бытовой комнате старшина роты, дежурный по роте и дневальный Киса разбирались в сложившейся ситуации.

– Что, захотелось перед отпуском у тумбочки покрасоваться? Так ты скажи – и мы всё организуем по высшему разряду сами, без помощи дежурного офицера, через сутки будешь тумбочку охранять! – старшина жестко выговаривал дневальному.

– Не спал я! – вновь начал оправдываться Киса, – сидел просто тихо, а он сзади подошел и так хлопнул по плечу, что мица слетела с головы...

– Я в это верю точно так же, как и дежурный офицер! А у твоей бабушки случайно не было красного дивана?

– Это вы к чему? Не было...

– Бабушке расскажи, а здесь мне не надо лапшу на уши вешать! И без тебя проблем хватает! Утром без разрешения роту не покидать. Командир узнает о происшествии из рапорта дежурного, дождемся его – и пусть решает, что с тобой делать. Сумеешь убедить командира – хорошо, не сумеешь – еще лучше, другим меньше в наряды ходить. Время до отпуска есть, да и во время отпуска походить в наряды – одно удовольствие. А сейчас – марш к тумбочке и имей в виду – он может повторно зайти в роту, чтобы проверить, как крепко ты спишь. И не дай бог тебе еще раз тихо посидеть у тумбочки! Баночку – убрать, до утра постоишь на ногах, не сломаешься. Ясно?

Киса кивнул.

- Выполнять, товарищ курсант!
- Есть – выполнять!

Примечания автора

Еще об одной особенности, характеризующей Кису, хочется сказать – он был страстным поклонником пенного напитка – пивасика, не упускал ни одной возможности выпить пивка в хорошей компании, да и без нее. Любое предложение – будь то утро, день, вечер или ночь – им поддерживалось, и никто и ничто не могли его остановить.

И это был не просто процесс употребления слабоалкогольной жидкости, это был целый ритуал со своими традициями, особенностями и условностями. Без спешки, не торопясь, глоток за глотком, немного отогнав в сторону пенку, закрыв глаза, он осторожно вливал в себя чудесный напиток, не теряя ни одной капли. Потом – закурить, расслабиться и слушать, как волшебные пивные пузырьки разбегаются по телу, принося с собой глубокое чувство удовлетворения. Он не пил – он священнодействовал.

Но что такое пиво без вяленой корюшки? Настоящие ценители пива, прежде чем приступить к употреблению пенного напитка, долго обнюхивают и осматривают маленькую рыбку, словно ее вид и аромат усиливают желание сделать глоток. Лежит корюшка себе бочком на газете. Если день жаркий, от солнечного тепла начинают выступать на ней ароматные капельки жира. Берут корюшку осторожно, одной рукой за хвостик, другой – за голову. И тут есть два варианта: одни сразу обезглавливают вяленую рыбку и после чистят ее, бережно снимая тоненькую шкурку по направлению к хвосту; другие же считают такой способ неверным – они первым делом удаляют верхний плавник, а потом чистят разнонаправленно – снимают шкурку как вправо, так и влево от плавника. Впрочем, результат в обоих случаях одинаков. Когда рыбка очищена, от нее отделяют тонкие ломтики, опускают их в пиво, чтобы она напиталась его ароматом, и только после этого пробуют ее на вкус. Вкус всегда отменный. С одной

корюшкой истинный любитель может просидеть за банкой с пивом целый день, не кусая рыбку, не поедая её, а высасывая из нее соки и впитавшийся напиток.

Через несколько минут в ротном помещении вновь стало тихо. До команды «Подъем» оставалось полтора часа.

Киса прохаживался по коридору: десять шагов вправо, десять шагов – влево. Накурился «Беломора» так, что из ушей дымок пошел. Хотелось спать. Глаза сами закрывались. Попытался подготовиться к экзамену, но суда с их устройством в голову не лезли. Он вспомнил свои вчерашние мечты – после дежурства сдать экзамен и с друзьями махнуть на «Чайку» (поселок на берегу Амурского залива в пригороде Владивостока и станция с одноименным названием по маршруту движения пригородных электропоездов, где всегда продавалось пиво на разлив) и вдоволь насладиться пенным напитком. Перед глазами появилась абсолютно реальная картинка: он с друзьями на «Чайке» сидят на камушках недалеко от берега, на импровизированном столике – трехлитровая запотевшая банка с пивом, на газете, придавленной двумя камушками, чтобы ее не сдуло порывом ветра в море, сушеная корюшка...

В этот момент, услышав какой-то шорох за спиной, он резко поворачивается на 180 градусов и видит в полутора метрах от себя улыбающегося... дежурного офицера. Правая рука автоматически проверила, на месте ли мица, и уже отдавала честь, глубокий вздох и...

– Тише-тише, товарищ курсант! – все еще улыбаясь, осадил его офицер. – Не будите роту, у них еще есть полчаса сладких снов. Много чего видел на своем веку, но чтобы спали стоя – в первый раз! Как вам это удастся? Только не говорите, что вы снова не спали. Спали, да еще как! Где же вы так научились?

– Я готовлюсь к экзамену по курсу «Теория устройства судов», – начал было Киса, но дежурный офицер перебил:

– Ага! Готовлюсь я к экзамену и вдруг чувствую, как меня кто-то будит! Не буду вас включать в суточную рапортчку!

Вы – уникальный субъект! Вам нужно в цирке выступать, а не здесь тумбочку сторожить. И что самое поразительное – так это ваши абсолютно честные глаза! – И покинул ротное помещение.

Киса потрогал себя, свой нос, уши – уж не сон ли это? Ущипнул себя за бедро – больно! Получалось, что нет, не сон! Все реально!

«Не буду говорить старшинам о втором визите, – решил Киса, – подождем командира, тогда и будет ясно – приснилось мне это или нет».

Командир пришел в роту в обычное время и в хорошем настроении. Киса, помня приказ старшины, на начало экзамена не пошел. Ждал своей участи в курилке. Старшина зашел в канцелярию к командиру, но минут через десять вышел и пригласил Кису к себе в кубрик.

– Не знаю, как тебе удалось убедить дежурного офицера, но о твоём утреннем проступке в рапорте ни слова. Командир ничего не знает. Можешь выдвигаться на экзамен. Удачи!

Через минуту Киса уже шел в сторону учебного корпуса. Улыбка на его лице означала – все по плану: «Чайка» и холодное пиво не отменяются. Спустя еще полтора часа он бодро шагал в обратную сторону с чувством исполненного долга – экзамен сдан, заветные три балла украшали его зачетную книжку, а по такому поводу положено увольнение. Вперед – холодное пиво ждет!

Еще через полчаса группа курсантов, в составе которой был и наш герой, в гражданских рубашках (в целях конспирации) зашла в вагон электрички и выдвинулась в сторону «Чайки». Киса был единственным, кто предусмотрительно взял с собой пакет с мидией и фланелью...

Пивная шайба стояла на старом месте, очередь была на двадцать минут, и вот компания дюжих парней с двумя запотевшими трехлитровыми банками, наполненными холоденьким пивом, уже выбирает место. День был отличный, солнечные зайчики прыгали по волнам, которые как бы нехотя накатывали на прибрежные камни. Место выбрали вполне уютное, на теплых камушках. Пивко было отменное. Развернули газету и бережно положили корюшку на пе-

редовицу «Красного знамени». Над вяленой корюшкой начал священнодействовать Лева. Но Киса тут же запротестовал:

– Что ж ты делаешь?! Кто так чистит корюшку, ты же большую половину выбросишь! Дай я сам! Вот так надо: начинать с головы, а не разламывать её пополам, и чистить вдоль спинки одним движением. А теперь каждый берет по кусочку и начинает аккуратно ее напивать пивом.

Теперь на газете аппетитно красовалась разделанная обнаженная корюшка, один вид ее вызывал у присутствующих активное слюноотделение.

Для совмещения полезного с приятным парни оголились по пояс – солнечные ванны еще никому не вредили – расселись вокруг банок и пустили их по кругу, как индейцы ирокезы пускали по кругу трубку мира. После первого круга достали «Беломорканал», закурили, и начался неспешный курсантский треп «за жизнь».

– А я вам так скажу, – развивал Лева старую как мир мысль, – у курсанта слишком много обязанностей и мало прав. То «нельзя», то «не пей», туда – не ходить, это – не смотреть и так далее и тому подобное. И наш курсантский профсоюз идет на поводу у руководства училища. Кто там заседает, какие вопросы решает – неизвестно, – и отхлебнул пивка.

– Ты, Лева, не прав дважды! Мы на отдыхе, рядом – пиво, корюшка, а ты опять про права и обязанности. Забудь, наслаждайся летом, солнцем, пивом и восхитительной рыбкой, – Киса говорил, держа во рту папиросу. Распушив усы, он мечтательно смотрел куда-то в морскую даль. – Это как вот с корюшкой: все любят, но чистят как попало, лишь бы быстрее себе в рот забросить! А в итоге – никакого удовольствия. Корюшка превращается просто в еду. А насчет прав курсанта – тут ты снова неправ! У нас достаточно прав, но мы не умеем ими в полной мере пользоваться. Это вечная проблема. Нас надо учить, подсказывать. Но и сами мы должны знать свои права, никто тебе соломки не принесет, хочешь ежедневно наступать на грабли – наступай! Пойду, отолью чуток, – прервал свою философскую речь Киса и двинулся в сторону крупных валунов.

Через пару минут, возвращаясь, заметил компанию из трех мужчин, сидевших вокруг запотевшей трехлитровой банки пива неподалеку от их бивуака. Один из них улыбался Кисе как старому знакомому...

«Твою мать!» – ахнул, узнав в мужчине дежурного офицера, с которым за ночь сталкивался дважды.

– Вижу, экзамен сдан успешно, раз уж вы здесь! Что сейчас изучаете? Как завершилось дежурство? Надеюсь, вы в официальном увольнении? Вот только форма одежды явно не та...

Не отвечая на вопросы, Киса изобразил на лице как можно более безразличное выражение и подумал: «Вот вам и права, и обязанности! От судьбы не уйдешь! Если обязан сегодня получить наряд, значит – получишь». А вслух бодро начал:

– Здравия желаю, товарищ капитан третьего ранга! – легкие Кисы автоматически стали набирать воздух для рывка...

– Здравия желаю! Только команду не подавай, а то распугаешь всех любителей пива на берегу! Попрыгают в воду, да еще и потонут. Отдыхайте, сегодня у вас прощенный день, не буду нарушать свое слово. Идите!

Уговаривать себя Киса не заставил, а вернувшись к своему камушку, присел и долго смотрел вдаль, не пропуская, однако, своей очереди сделать глоток.

– Чего молчишь-то? – минут через десять обратился к нему Лева.

– Я вот думаю, мужики, судьба – она кем-то уже написана или выпадают случайные величины? Почему прилетает, откуда не ждешь, а откуда ждешь – получаешь совсем другое?..

День клонился к закату, пиво было выпито в тандеме с отменной корюшкой, и курсанты возвращались в роту. Настроение было отличное. Метрах в двухстах от территории училища Киса остановился, снял гражданскую рубашу, надел фланель и мицу, за что тут же был высмеян товарищами...

На входе в ротное помещение товарищи нос к носу столкнулись с командиром роты – он как раз собирался домой.

– Не понял, товарищи курсанты, что за вид? Это кто вас в такой форме одежды отпустил в увольнение? Завтра в девять ноль-

ноль старшины групп, старшина роты и вся эта группа, за исключением курсанта Ф., – ко мне с объяснениями! – приказал он дневальному по роте.

Киса, пряча в усы улыбку, заходил в свой кубрик.

Вместо послесловия

Пролетели годы. После долгого перерыва мы с супругой вновь в столице Приморья. Время заполнено до предела: встречи с друзьями, партнерами по бизнесу... Как ни старались, в суете забот не получилось встретиться со всеми, в том числе и с Юрой Ферапонтовым. И вот – предпоследний день перед вылетом домой. Возвращаемся с супругой из ДВВИМУ (посещение родного училища – в обязательной программе, и это не обсуждается) и почти уже на вокзальной площади нас накрывает сильнейший ливень – кто жил во Владивостоке, тот знает этот «дождик». Выход один – где-то укрыться. Рядом оказался вход в какое-то учреждение, рядом с дверью строгая табличка: «Таможня».

«Зайдем? Не выгонят же...», – а сам смутно припоминаю: Юра что-то рассказывал о своей работе в таможне.

Вошли в холл. Обращаюсь к дежурному офицеру:

– Могу ли я видеть Ферапонтова?

Офицер спокойно снимает трубку и говорит: «Товарищ дежурный, тут к Вам пришли». Трубка в ответ: «По какому вопросу?» Я подсказываю: «По личному». По голосу узнаю – он! И уже громко добавляю: «Мы вам кису принесли!» – «Какую кису?.. Спускаюсь!»

Спустя минуту Юра (пока не видим его, зато хорошо слышим!) уже отчитывается на лестнице какого-то человека, что тот пришел в управление совершенно мокрым. И голос строгий такой, командный, голос уверенного в себе человека. А вот и он сам – выходит высокий статный офицер, но усы, выражение глаз, улыбка...

Долго сидели разговаривали – насколько ему позволяло время. Мы, конечно, изменились внешне, но душой Киса остался Кисой. Хотя нет – как говаривал полковник Штыков П. В., «...он уже давно не Киса, он – Котяра!» ●

2021 год

Поцелуй в темечко

Вот ведь как бывает в жизни: живет рядом с тобой человек, с виду такой же, как все – то же ест, то же пьет, но в какой-то момент ты вдруг понимаешь – нет, не простой это гражданин, есть в нем что-то такое, что нам, простым смертным, не дано. Обычно в таких случаях бабушки, сидящие у подъездов, говорят: «Его в темечко поцеловал кто-то оттуда, сверху».

Да... Простой человек, простой сюжет, простые желания, дела и поступки, но что-то интригующее в жизни таких людей есть. А потому наиболее подходящим приемом для нашего последующего рассказа об одном таком гражданине мы избрали жизнеописание – как толкуют словари, это описание чьей-то жизни или взгляд на эту жизнь со стороны, изложенный независимым наблюдателем.

Итак, перед вами – жизнеописание отдельного периода жизни вполне реального курсанта 13-й роты. Почему именно его жизнь будет нами тщательно рассмотрена и изучена? Есть все основания полагать, что события, о которых пойдет речь, – не случайное стечение обстоятельств, а закономерные и последовательные действия (либо факты явного бездействия) Судьбы отдельно взятого индивидуума, начертанной кем-то там, наверху, на его темечке.

...Конец 60-х годов прошлого столетия. В городе Омске, расположенном на юге Западно-Сибирской равнины, где Иртыш впадает в реку Обь, в обыкновенной семье проживал обыкновенный такой мальчик. Будучи аккуратным, дисциплинированным и послушным, он хорошо учился, соблюдал правила поведения сначала

октябрят, затем пионеров, а затем и комсомольцев. Увлекался чтением книг о морской жизни, морских приключениях, дальних странах и островах, мечтал увидеть своими глазами созвездие Южный Крест, голубые лагуны тихоокеанских атоллов, стаи летучих рыб, побороться со штормом в далеком море.

После школы решил: Иртыш – река широкая и полноводная, но настоящего простора маловато. Решил – сделал: купил обыкновенный железнодорожный билет на обыкновенный поезд до Владивостока. Пять суток пролетели незаметно, ведь за окном пытливому взору ежеминутно открывались красивейшие места Отчизны, на благо которой хотелось служить в морском флоте.

На шестые сутки пути покрытые пылью со всей матушки-России вагоны медленно подтянулись к платформе железнодорожного вокзала столицы Приморья. Тут рельсы закончились. Приехали. Дальше на восток – только морская гладь.

Прочитав начертанные рядом с вокзалом ободряющие слова В. И. Ленина: «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький!», – пошел по Верхне-Портовой улице в сторону Эгершельда, где и располагалась цель его путешествия – Дальневосточное высшее инженерное морское училище имени адмирала Г. И. Невельского.

После жаркого и влажного воздуха и шума городских улиц, бесконечного крика чаек, летающих над полуостровом с запада на восток и обратно, главное здание училища поразило тишиной, прохладой стен, возведенных из бетонных обломков Игнатьевской батареи. «Как на атолле в Тихом океане!» – мечтательно подумал он.

Вот и знаменитая аудитория 241, место дислокации приемной комиссии. Володя – так зовут нашего героя – сдал документы, получил справку, предоставляющую ему право принять участие во втором потоке сдачи вступительных экзаменов, и направление на заселение в одно из общежитий. И потекла напряженная абитуриентская жизнь.

Во время вступительных испытаний не расслаблялся, не пил, не нарушал, четко шел к своей цели. И как следствие – на заседании мандатной комиссии из уст начальника училища услышал

радостные слова: «Абитуриент Роговский Владимир Николаевич, по итогам сдачи вступительных экзаменов вы зачислены курсантом первого курса судоводительского факультета по специальности «Эксплуатация водного транспорта». Поздравляю!»

Радости не было предела! И море стало голубее, и волна мягче накатывала на берег, и деревья стали кучерявее и зеленее, да и солнце теперь светило по-иному! Он – курсант, и этим все сказано!

Тут мы вынуждены прервать свое повествование и сделать небольшое отступление от основной сюжетной линии. Причина уважительная – невозможно дать объективное жизнеописание человека, умолчав о событиях, которыми в этот период жила огромная страна под названием Союз Советских Социалистических Республик. Да, вы правы, генеральная линия была одна – борьба за построение развитого социализма в отдельно взятой стране (покой нам только снится!). И один из векторов движения к поставленной цели предписывал «обеспечить всенародную моральную и материальную поддержку Добровольному обществу содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ)».

«Руководство страны в 1966 году разрешило ДОСААФ проведение ежегодных лотерей, которые получили название автомотолотерей. За 10 лет было проведено одиннадцать лотерей. С 1966 по 1975 год лотерейных билетов продано населению на общую сумму свыше 780 миллионов рублей, 50 процентов средств, полученных от продажи, пошли на выплату выигрышей. Население в качестве выигрышей получило: 27 480 автомобилей «Волга», «Москвич», «Запорожец», 129 920 мотоциклов, всего выигрышей на сумму 394 миллиона рублей».

**Из материалов сборника
«Лотереи ДОСААФ СССР», 1977 г.**

Однако в ходе проверки Общества на предмет организации лотерей, проведенной правоохранительными органами, были вскрыты серьезные недостатки в работе центрального, краевых и областных комитетов ДОСААФ: растраты, запущенность учета, нарушения правил расходования премиального фонда. В отдельных комитетах высокий процент реализации достигался благодаря «штурмовым методам» распространения билетов в последние дни перед тиражом. Накал страстей вокруг лотереи стал спадать, народ приобретал все меньше билетиков, азарт пропал, источник дополнительного финансирования бюджета начал пересыхать...

– Безобразия, однако! – метала молнии Москва.

Срочно был выдвинут лозунг «Дойти до каждого!». То есть буквально – до каждого гражданина огромной страны, чтобы все тиражные билеты были распространены, а бюджет получил необходимые денежки.

Дойти до каждого! Сказано – сделано! Огромный маховик начал медленно проворачиваться, движение передалось шестеренкам меньшего размера... – поехали!

Ротное помещение 13-й роты. Утренний осмотр завершен. Перед курсантским строем – старшина роты:

– Товарищи курсанты! Вчера в ОРСО состоялось совещание по вопросу распространения среди личного состава билетов лотереи ДОСААФ. Задача поставлена простая – каждый курсант должен поддерживать обороноспособность страны путем приобретения как минимум одного билета. Больше – на его усмотрение. У меня в руке – лотерейные билеты ДОСААФ, подлежащие распространению среди личного состава роты. Стоимость одного билета 50 копеек. Сегодня после обеда, в 15:00, старшинам групп обеспечить явку курсантов в Ленинскую комнату. При себе каждому иметь по 50 копеек для расчета за приобретенный билет. Еще раз повторю: каждому положено по одному билету. Меньше – не положено, больше – сколько душа пожелает. Вопросы?

– Так у нас же, товарищ старшина, демократия в стране, не положено принуждать к участию в розыгрыше, – послышался голос курсанта Жвакина из дальнего конца строя. – Хочу – приобретаю билет на свои денежки, хочу – нет! Пятьдесят копеек – тоже деньги!

– Повторяю еще раз для тех, кто не понял – нам положено поддерживать обороноспособность страны! Страны, которая вас бесплатно учит, кормит три раза в день (и скажу – очень неплохо кормит!), предоставляет бесплатное обмундирование, жилье. Это вам положено. А выделить из своей стипендии, опять же получаемой от государства, пятьдесят копеек – жаба давит? Тогда возможны два варианта развития событий: первый – вы приходите после обеда в Ленинскую комнату и приобретаете положенный вам билет; второй – вы не приходите в Ленинскую комнату и не приобретаете положенный вам билет. В этом случае у меня, как у официального представителя государства в данном вопросе, возникает потребность пересмотреть все преференции, которые вы лично получаете от государства по положенности, – и либо их уменьшить, либо увеличить. Ясно? Курсант Жвакин, выйти из строя!

– Есть выйти из строя! – громко ответил курсант, так неосмотрительно начавший диалог со старшиной.

– За разговоры в строю объявляю наряд вне очереди! – приложив правую руку к головному убору, объявил старшина. – За ненадлежащий внешний вид, а именно – некачественное бритьё объявляю наряд вне очереди! Встать в строй! Это увеличение лимита, как вы поняли. Еще вопросы есть? Через десять минут построение на завтрак, форма одежды – шинели! Рота, разойдись!

Расходились курсанты со смехом. Наряд Жвакину за небритую щетину явно был ударом ниже пояса – она была такая черная и густая и росла с такой скоростью, что, если бы даже он брил ее трижды в день, все равно жвакинские щеки выглядели бы заросшими.

...Когда старшина вышел на улицу, рота была уже построена. Прозвучала команда – и рота с левой ноги начала движение в сторону курсантской столовой.

Пролетавшая в этот момент по своим делам над Эгершельдом (как утверждали впоследствии очевидцы, в направлении с запада на восток) чайка, немного напуганная начавшимся внизу движением и повинувшись врожденному рефлексу, произвела непроизвольное опорожнение кишечника, и большая часть его содержимого попала на головной убор курсанта Роговского. Шедший в строю вслед за Роговским курсант Найденов, лишь вскользь задетый небольшими «осколками» прилетевшего птичьего счастья, громко сказал:

– Везет тебе, Володька! Это счастье, когда чайка в тебя попадает. Значит, там, наверху, Он тебя приметил и поцеловал в маковку! Ждет тебя удача!

А кто-то из курсантов еще сквозь смех добавил:

– Хорошо... хорошо, что коровы не летают. Хотя чайка – тоже не воробей!

Курсант Роговский – тот самый Володя, о перипетиях судьбы которого мы и обещали вам рассказать – снял головной убор и, провожая тяжелым взглядом полетевшую далее налегке шалунью, сказал короткую, но ёмкую речь, которую – если очистить ее от щедрого заряда отборной ненормативной лексики – можно уложить в одну фразу с таким примерно содержанием: «Почему из пятидесяти человек именно в меня, уважаемая птичка?!»

Старшина остановил роту.

– Курсант Роговский, вернуться в ротное помещение, привести себя в порядок и присоединиться к роте в столовой! Рота, шагом марш!

После обеда в теплой Ленинской комнате расположились старшина и его заместитель: старшина – в целях ведения учета личного состава, «добровольно» желающего приобрести положенный лотерейный билет, заместитель – в роли распространителя. Прямо перед ними лежала пачка билетов, справа – коробочка из картона для складирования поступающих денежных средств. У входа в Ленинскую комнату уже толпились курсанты первой группы, стремящиеся посылить поддержать Вооруженные Силы страны.

Старшина посмотрел на часы – 15:00.

– Начнем! Кто первый?

– Курсант Лабонин прибыл, – четко отрапортовал вошедший.

– Выбирай свое счастье! – заместитель разложил билеты веером на столе. – Полтинник – мне в коробочку.

Лабонин осторожно, левой рукой, взял понравившийся ему билет, опустил в коробочку 50 копеек и вышел.

– Следующий! – громко позвал старшина, и процесс пошел...

Спустя полчаса старшина докладывал командиру, что рота справилась с реализацией билетов. Все курсанты проявили чувство высокого патриотизма и показали пример комсомольской сознательности. Осталось всего три билета.

– По билету – нам с заместителем, и я подумал – один для вас, товарищ командир, – завершил рапорт старшина.

Командир молча достал из кармана кителя кошелек, отсчитал 50 копеек, протянул старшине. Тот отдал билет.

– Разрешите идти?

– Кто завтра сдает деньги? – уточнил офицер.

– Заместитель. Он собирал, ему и ответ держать.

– Хорошо, идите.

Прошло два месяца. За чередой текущих событий рота уже и забыла о таком незначительном эпизоде в своей жизни, как массовая покупка лотерейных билетов. Но однажды после обеда, когда курсанты разбрелись по кубрикам, пытаясь поспать хотя бы десять минут, в роте раздался звонкий голос дневального:

– Внимание! Желающие проверить свои билеты лотереи ДОСААФ могут пройти в Ленинскую комнату! Поступила таблица розыгрыша тиража!

Отдельные личности медленно и лениво потянулись в назначенный пункт проверять билет. Самым активным оказался Юра Найденов (Кацо – как его звали курсанты). Он-то и выяснил, что

на данную серию выпадает автомобиль «Запорожец». Удостоверившись, что его билет «пустой», он принялся тормошить товарищей – просил, подгонял, уговаривал немедленно подойти со своими билетами и сверить их с таблицей. Но курсанты подходили, проверяли и... разводили руками – мимо. «Непроверенными» оставались несколько человек: командир, старшина, его заместитель и курсант Володя Роговский, который в это время спокойно сидел в своем кубрике и что-то конспектировал. Вот, наконец, и командир роты, и старшина, и его заместитель вышли из Ленинской комнаты и молча бросили свои билеты в урну.

– Не в этот раз! – сказал командир и вернулся в канцелярию.

А Кацо, не на шутку разгоряченный, уже летел в кубрик Роговского.

– Ты проверил свой билет? Почему нет? На нашу серию выпал автомобиль! Понимаешь – АВТОМОБИЛЬ?! А ну, быстро бери билет – и за мной!

– Если б я еще помнил, где он, – развел руками Володя.

– Ищи! Ищи же! Такая возможность бывает раз в жизни!

Роговский порывлся у себя в тумбочке, потом начал методично перебирать тетради и книги. И когда уже потерял всякую надежду найти пропавший билет, тот легким мотыльком выпорхнул из потревоженного учебника и, медленно описывая по воздуху плавные круги, поплыл по направлению к полу. Кацо не дал ему упасть – подхватил на лету и, хлопнув дверью, убежал.

Вышедший вскоре за ним в коридор Роговский был буквально оглушен восторженными криками курсантов. Казалось, вся рота, выплеснувшаяся из кубриков в коридор, одновременно сошла с ума: кто-то свистел, кто-то пустился вприсядку, кто-то танцевал лезгинку, кто-то просто орал что-то нечленораздельное, многие обнимались, радость была всеротной! Громче всех кричал что-то непонятное Кацо.

– Что, что случилось?

– Победа! Роговский выиграл «Запорожец»! Аааа- ааа- ааа...

– неслось по коридору и дальше – по всему зданию! – Автомобиль! Автомобиль! Ааа- аааа!

Только спустя час старшинам удалось навести некоторый порядок в ротном помещении. Но за этот час добрая весть стала достоянием всего курсантского братства! Праздник продолжался в каждой роте! Со стороны казалось, что автомобиль выиграл каждый курсант ДВВИМУ! «Ура! Ураааа! ... аааа», – шумело курсантское племя. Накал страстей стал еще выше, когда новость улетела в главный корпус, к преподавателям и офицерам. Одним словом – училище превратилось в эпицентр положительных эмоций, которые с огромной скоростью и энергией летели по всему Владивостоку!

...А Роговский сидел в кубрике и неотрывно смотрел в одну точку. Кацо суетился вокруг него, в который раз уже повторяя одну и ту же мысль: «Я же говорил, что чайка просто так в человека не попадает! Кто-то его в маковку поцеловал!»

Но он, Роговский, еще не ощущал, как слава подкрадывается к нему и медленно, как морская звезда – свою жертву, обволакивает его своими лучами.

«Сон ли это? Нет не сон!» – пришли в голову строчки из детского стихотворения. – Я ли это? Он! Он! Он!»

Из полного ступора его вывел дневальный – Роговского за чем-то приглашал в канцелярию командир роты.

– Это вы выиграли автомобиль «Запорожец» в лотерею?

– Да. Сегодня вот узнал. Как-то так получилось...

– Я хочу купить у вас этот билет по номинальной стоимости. Мы завтра проверяем его подлинность, затем идем в сберкассау и вносим деньги на книжку, открытую на ваше имя. Если вам нужно сходить в город и посоветоваться с вашими родными по междугородному телефону, вы можете сегодня уйти в увольнение. Я подожду вашего решения здесь, – и командир протянул ему увольнительный билет.

Выйдя из ротной канцелярии, Роговский узнал, что его в то же самое время разыскивали замначальника ОРСО и приемная деканата.

– Меня вызывают? – попытался прояснить у дневального смысл слова «разыскивали».

– Да как-то... непонятно. Если будут звонить еще, я тебя позову.

Не успел отойти от дневального на пару метров, телефон на тумбочке зазвонил снова.

– Роговский, тебя! Ты сегодня популярен, – дневальный передал ему трубку.

– Да, курсант Роговский! Да. Да, выиграл. Я еще не решил, но командир сделал мне предложение. Извините, но я не смогу этого сделать... До свидания.

В течение десяти минут ему поступило четыре предложения о продаже билета – его ответ был для всех один.

Возвращаясь через пару часов в расположение роты, Роговский просто кожей ощущал на себе взгляды курсантов и чувствовал себя от этого очень неловко. Сразу зашел в ротную канцелярию и дал согласие командиру роты.

Весь последующий месяц Роговский был в эпицентре общественного интереса, главным героем разговоров об удаче, везении, знаках «оттуда», постоянно ловил на себе взгляды и курсантов, и преподавателей, и офицеров... Но, как это бывает в жизни, страсти потихоньку улеглись и курсантские будни потекли своим чередом.

Лишь иногда нет-нет да и вспомнит иной курсант, попав в ловушку трудноразрешимых проблем, о помощи «свыше», о знаках, которые посылает некоторым счастливым судьба. Вспомнит – и с мольбой и надеждой посмотрит на небо... Но то ли птички нынче не в том направлении летают, то ли меткости им не хватает, то ли исчерпали они свой лимит «добра» – неизвестно. И вместо благоуханного «поцелуя» клюет его судьбинушка в самое темечко...

Пролетело четыре года. Получен диплом, направление в пункт назначения. Отправление поезда через два часа. Роговский вышел на улицу, держа в руках легкий чемоданчик. Остановился,

еще раз окинул взглядом знакомую до последнего камушка территорию. В это время к корпусу подъехал «Запорожец» ярко красного цвета, из машины вышел командир роты капитан третьего ранга Макухин Г. Ф.

– Отбываете, Владимир Николаевич? – спросил он, пожимая руку Роговскому.

– Да, через два часа поезд!

–частливого пути и успехов на новом месте! Приятно было с вами работать!

– Спасибо, Геннадий Федорович! Мне тоже было комфортно служить под вашим началом! Как «вороной»? Не подводит? – и Роговский провел рукой по капоту.

– Все отлично! Хорошая машина! Может быть, до вокзала подвезти?

– Нет, спасибо – я своим ходом. Времени еще более чем достаточно!

Еще раз тепло пожали друг другу руки. Больше они в этой жизни не виделись...

Послесловие

Курсант Роговский Владимир Николаевич в 1976 году по распределению прибыл в Иртышское речное пароходство. В 1980 году по комсомольской путевке поступил на службу в органы внутренних дел, где прошел путь от инспектора до заместителя начальника ФСИН по Омской области. Побывал в горячих точках, награжден государственной наградой. Уволился на пенсию по выслуге лет в звании полковника. ●

2022 год

Ресторан

Едва прибившись к берегу, проскитавшаяся несколько недель (а то и месяцев!) по морям и океанам душа моряка требует сатисфакции: она жаждет ощутить ногами земную твердь, а не пляшущую в такт волнам палубу, хорошую выпивку, а не 200 грамм «сухача», положенных в тропиках; утром рядом на подушке – голову натуральной женщины, а не фото красавиц из журнала для мужчин... Нормальные желания, ничего лишнего – согласитесь? Но особенности профессии моряка таковы, что «хочу» и «могу» у него не всегда совмещаются. К примеру, хорошо, если на погрузочно-разгрузочные работы отводится неделя – а если 24 часа? Отнимем отсюда время на работу плюс помыться-побриться – в сухом остатке получаем на все про все пять часов увольнения.

Вот отсюда-то и возникает острая необходимость в наличии на территории порта или города свободной от всяких предрассудков и полунамеков зоны (а еще лучше – зон). Зоны, где каждый может найти то, что хочет, и, естественно, поделиться тем, что имеет. Зоны, где нравы свободны, а девушки доступны. Бывает, что немного одичавшие за время перехода отдельные моряки неверно оценивают степень допустимой свободы, в этом случае они просто физически изгоняются из зон лояльности и доступности. Но поскольку сама вероятность возникновения разного рода инцидентов изначально заложена и просчитана в бизнес-плане их безубыточного развития, зоны душевного приюта для морских странников существовали и продолжают существовать в каждом порту, и имя им рестораны, кабаки, бары, кафе, пабы...

Город-порт Владивосток всегда славился высокоразвитой инфраструктурой гостеприимства – гостиницами и ресторанами, которая позволяла создать атмосферу свободы, равенства и братства как для жителей столицы Приморья, так и для многочисленных

гостей. Если верить правдивым публикациям местных краеведов, первая гостиница с рестораном появилась в городе ровно через 10 лет после его основания – в 1870 году!

Расцвет же ресторанного и гостиничного бизнеса здесь пришелся на начало прошлого столетия. Этот период характерен тем, что в город потекли денежные инвестиционные потоки из двух основных источников: во-первых, Дальний Восток стал привлекателен для русских деловых людей, и со всей России сюда устремились авантюристы всех мастей – и те, у кого водились деньги, и те, у кого их не было. Цель одна – развитие торгово-экономических отношений со странами Юго-Восточной Азии по формуле Карла Маркса «деньги – товар – деньги». Географическое расположение города-порта этому сильно способствовало. Где бизнес – там и люди, где люди – там и деньги. Лозунг «Вина и зрелищ!» витал над Владивостоком. Как следствие – еще больше ресторанов, еще больше веселья.

Во-вторых, развитие финансово-кредитных отношений между Россией и государствами, расположенными на тихоокеанском побережье, способствовало увеличению торгового оборота, а значит – росту грузового потока. Все больше торговых судов приходило в порт, все больше матросов сходило на берег в поисках «свободных зон» (сегодняшнему уху привычнее «заведений»), все больше средств они в них оставляли. И заведения росли как на дрожжах.

По свидетельству все тех же краеведов, «...каждый ресторатор тщательно разрабатывал имидж своего заведения, придумывал соответствующий слоган, чтобы привлечь клиентов любой национальности (лишь бы они платили!), действовала гибкая система скидок (чай, например, подавали бесплатно, а в определенное время цены на блюда снижали). Каждое уважающее себя заведение обязательно чем-то выделялось среди конкурентов: в одном, к примеру, готовили только на коровьем масле, в другом «ручались за сохранность желудков», третье славилось блюдами из морепродуктов. Известнейшие рестораны «Фантазия» и «Новая звезда» считались лучшими загородными заведениями. Они, к слову,

располагались в районе нынешнего Авангарда. В 1910 году известный владивостокский ресторатор Василий Шуин устроил самую настоящую рекламную кампанию. В местной прессе он начал горячо пропагандировать полезнейшие блюда из морской капусты».

Как утверждают исследователи гастрономических предпочтений владивостокцев, в ту пору многие морепродукты – гребешок, крабы, креветки – были намного доступнее, чем сегодня. Что уж говорить о печально-унылых 70-х годах прошлого столетия, когда в местных заведениях деликатесом считался «кальмар обыкновенный» – синюшного цвета, отваренный и подаваемый под майонезом, и то – не в каждом ресторане и не каждому посетителю.

Я уже не говорю о таких блюдах, как «скоблянка из кукумарины», «медальоны из изюбря в желе из лимонника», «дальневосточная морская тарелка». И все это под аралиевку, облепиховку, женьшеневку, гаоляновку и иные спиритусы таежной прописки.

В силу изначального расположения города вдоль одной улицы – Светланской, протянувшейся по северному берегу бухты Золотой Рог, большинство культурно-увеселительных заведений, в том числе и ресторанов, размещалось на этом небольшом земельном участке Российской империи: «Золотой Рог» (Светланская, 15), сад «Италия», работавший лишь летом, «Коммерческое собрание» (Светланская, 10), Немецкий ресторан (Светланская, 32), «Собрание приказчиков» (Пушкинская), «Светланка» (Светланская, 35), ресторация Шуина (Светланская, 34)...

В годы советской власти и город, и рестораны стали другими. Изменилось мировоззрение, изменилась идея, поменялось меню, по-другому стала выглядеть карта вин. Но удаль русская, широта души, желание отдохнуть и погулять с размахом на последний рубль («Все пропьем, но флот не опозорим!») – все это осталось у жителей и гостей славного города на уровне геновой памяти! Не отставали от них и курсанты мореходных училищ, школ и шмонек. Даже в звучании слов «курсант» и «ресторан» слышится что-то однокоренное – вам так не кажется? Ну точно же есть! Тогда вариант для визуалов: если взять английское слово restaurant,

а слово «курсант» написать латиницей – kursant, то здесь уж явно усматривается общее окончание -ant, которое сведущему человеку говорит о многом. Так-то!

В годы великого застоя, именуемые годами развитого социализма, рестораны в корне поменяли и свой имидж, и слоган, и подходы к клиенту. Если раньше плясали от кухни, от качества обслуживания, то в годы советской власти – от социального слоя посетителей. Приведем примерную классификацию ресторанов Владивостока периода 1970-х в привязке к категориям посетителей (поскольку классификация сделана на основе личного опыта автора, в то время пребывающего в статусе безденежного курсанта, то по понятным причинам она не может претендовать на полноту охвата и абсолютную объективность).

Итак:

– «Золотой Рог», «Зеркальный» – вотчина военно-морских офицеров;

– «Челюскин» (он же – «Челюсти») – для солидной публики;

– «Аэлита» с диванами из красного кожзаменителя – вотчина курсантов ДВВИМУ;

– «Зодчий» – как правило, судовая смена отдыхает: ни курсантам, ни тем более девушкам, туда лучше не соваться;

– «Бригантина» на Луговой – смешанная публика, много гражданских парней и девочек, можно и потанцевать, а можно и... (лучше в форме не ходить малой компанией);

– «Волна» – Мекка женщин и девушек Владивостока, мечтавших подцепить «пароходских»; был знаменит тем, что в нем играл популярный оркестр «Баллада».

Список можно продолжить, но это все же – не цель моего повествования.

Несмотря на строгости Устава, курсанты ДВВИМУ не только хаживали в различные питейные заведения, но еще и как хаживали – бывали схватки боевые с иной мужской компанией, где были они биты и сами били, ломали мебель, крушили стекла, зеркала и посуду, попадали в милицию. За все эти похождения их отчисляли из училища, но они вновь раз за разом, как набегающие на берег

волны, шли и шли навстречу судьбе и приключениям. Начальник ОРСО училища подполковник Пивоваров К. И. говаривал: «Хочешь пить – пей, а не можешь сохранить честь училища – иди домой и соси г**но через тряпочку, но форму не позорь!» И еще его слова: «Если иду и вижу лежащего головой в сторону училища подвыпившего курсанта, можно смело вызывать дежурную группу. Наш, сукин сын!»

Ноябрь 1974 года. Эгершельд. Ветер, пронизывающий до ниточки, и мечтательные курсанты у телефона-автомата (без мечты жизнь курсанта – болото!)...

– Аллю! Наташа, это ты? Привет! Это я, Василий из ДВВИМУ... Звоню из телефона-автомата, на улице холод, вся трубка в корочке льда, поэтому плохо слышишь и голос искажен. Да... Чем завтра вечером занимаешься? Нет желания сходить в ресторан и принять грамм по сто водочки? Хорошо, хорошо! Вина – значит вина! Отлично!.. И возьми с собой подругу Ольгу, я приглашу Василя... Ну, высокий такой, с зычным голосом, вместе как-то в кино ходили, в «Океан»... – вспомнила? Вот и отлично! Завтра я позвоню часов в семь вечера и скажу, в каком ресторане мы будем вас ждать. А вы часам к восьми подъедете. Хорошо... Договорились. До завтра! – повесив трубку, курсант 13-й роты ДВВИМУ Василий С. направился в сторону ротного помещения, на ходу поглубже натягивая шапку и запахивая шинель. Он был очень доволен собой. Наталья ему нравилась, и осознание того, что он проведет с ней весь вечер (а, может статься, она его еще и завтраком покормит...), наполняло его чувством восторга.

Закрыв за собой дверь кубрика и снимая шинель, он подмигнул сидевшему на кровати Василию Х.:

– Порядок! Завтра ждут нашего звонка в семь вечера, придут в назначенную точку в назначенное время. Наша задача – принять швартовые и провести все намеченные ремонтно-профилактические работы. Ольгу с собой берет – ты уж расстарайся,

не ударь лицом в салат: в нужное время с Ольгой сходите на берег и поищите другой причал, а то в комнатке у Натальи нам вчетвером тесновато будет.

Друг улыбнулся понимающе и кивнул головой в знак согласия. За годы учебы они научились понимать друг друга с полуслова.

– Сделаем все в лучшем виде, не беспокойся! Пойду парадку приводить в порядок, – и направился в бытовую комнату.

...В роте отбой. Мерный храп раздается из каждого кубрика – кто громче, кто слабше, кто нежнее дает храпака. Спят и два наших героя, сны которых полны нежности и трепета в предвкушении завтрашней встречи.

Вот и завтра! За окнами ветер все еще пытался порвать Эгершельд на мелкие кусочки – холодно, промозгло. В ротном же помещении все как обычно: команда дневального «Рота, подъем!», утренние процедуры, команда «Выходи строиться на физзарядку. Форма одежды – тельняшка!», и далее день покатился по заведенному распорядку. Но у курсантов с утра на сердце праздник – «день курсанта», выдают стипендию! Крохи, всю сумму можно пересчитать в кармане брюк одной рукой – но все же! И за это нашему государству наше курсантское «спасибо». Главное – для задела хватает, а там – куда судьба выведет. Можно с одним и тем же тортиком пять раз в гости сходить, а можно и до гостей не дойти. Деньги, как и курсантское счастье, имеют одну нехорошую черту – быстро кончаются. Но у государства добавки не попросишь, это не старшина в столовой. Поэтому единственно честная дорога курсанта – жить без долгов, не брать, не давать и не вздумать не отдать. В этом и проявляется настоящий мужской характер. Самое последнее дело как для курсанта, так и для моряка – отсутствие характера вовсе или наличие либерально-мягкого характера, дозволяющего иметь неоплаченные долги перед мужской частью населения и различного рода обязательства перед прекрасной половиной человечества.

В подобных философских размышлениях пребывают сегодня все три курса 13-й роты. А вот у их командира, похоже, совсем другие мысли: «Как бы не допустить исполнения курсантских желаний?»

А вот и наши знакомые, два Василия: Вася Х. и Вася С., курсанты четвертого выпуска, оба после службы в армии прошли через подготовительное отделение, оба добродушные, жизнерадостные, умеющие хорошо отдохнуть, балагуры и весельчаки. Пересчитав полученные деньги, они стояли в раздумьях в коридоре ротного помещения. Вопрос, мучивший их с самого утра, был не «зачем?», а – «куда?»

– Что значит – во сколько? Как обычно! На ужин идем в парадке и после сразу оттуда линияем, – обозначил план действий один Василий (какой именно из двух – в данном контексте совершенно не важно).

– Согласен. Куда пойдем? Нам же еще нужно сделать звонок? – уточнил другой в тот самый момент, когда они проходили мимо галюна.

– Подожди пару минут, нужда зовет!

– И я с тобой за компанию.

Зайдя в место общего пользования, расположились – каждый в своей кабинке. Самое время и закурить.

– Вась, спички есть? Где-то свои оставил.

– Держи, – тезка подвинул ногой коробок спичек под перегородкой в соседнюю кабинку.

Надо сказать, что во всех галюнах училища для удобства курсантов были оборудованы кабинки. Кто в «домике» – не видно, но по звукам, доносившимся оттуда, была ясно – занято. Те же, кто находился в кабинке, не могли видеть, кто еще в это время зашел в галюн.

С «Беломором» в зубах посидели задумчиво, а потом мысли снова вернулись к важному – надо было определяться с местом дислокации на вечер.

– Я предлагаю пойти в «Бригантину». Прошлый раз мы там неплохо посидели и с девчонками чудными познакомились.

– Не забывай – в прошлый раз был теплый сентябрь, и возвращались мы, проведив их в бухту Диомид, ножками – ни такси, ни попутки! Четыре часа топали вдоль берега Золотого Рога, в училище пришли абсолютно трезвые – я более таких подвигов не хочу. И вообще: идти в «Бригантину» со своими девчатами – все равно, что в Тулу со своим самоваром. Правда, Наталья и Ольга живут в районе Городского сада, но тоже минут сорок молотить. А хотелось бы еще и на чай время оставить! Как думаешь, до чая дело дойдет?

– Не загадучи... Но опять же – если об этом не думать, то зачем идти в ресторан?..

В это время кто-то зашел в гальюн справить малую нужду. Не обращая внимания на вошедшего (тем более – они его не видели), друзья продолжали беседу.

– Я предлагаю нырнуть в «Аэлиту». Рядом и недорого.

– Вась, сегодня не мы с тобой одни получили стипендию, а все училище, в «Аэлите» будет полно курсачей. Там не только с девушкой потанцевать, сесть будет негде.

Командир – а третьим посетителем гальюна оказался именно он – тихонько подошел к раковине и, включив воду, медленно мыл руки, продолжая слушать.

– Ну и куда тогда?

– Остается один вариант – «Волна»: это рядом, и оркестр сегодня играет. Думаю, посетителей будет много – конец недели, всем хочется отдохнуть, потанцевать – поэтому выдвинемся пораньше, чтобы со столиком не пролететь. Утром вернемся к осмотру – старшину предупредим.

– Годится.

На том и порешили...

Командир первым покинул гальюн и остановился у доски с «боевыми листками». Была такая форма наглядной агитации, листки выпускались каждой учебной группой еженедельно.

Через минуту вслед за ним вышли курсанты Х. и С. Они неспешно пошли в сторону своего кубрика, командир направился в сторону ротной канцелярии.

Через несколько минут дневальный прокричал: «Старшина роты Терешин! К командиру роты – немедленно!»

Виталий Петрович с чувством собственного достоинства, как и положено старшине, переступил порог ротной канцелярии и, распушив усы, доложил о своем прибытии.

– Проходите, присаживайтесь, Виталий Петрович! Курсантов Х. и С. вашего курса сегодня в 19:00 поставить в наряд! Это приказ. Без комментариев!

– Как – без комментариев? – старшинские усы и выражение его лица говорили о полном непонимании сути полученного приказа. – Взрослые же люди, самые старшие на курсе, и – срочно в наряд?! Не поймут ни вас, ни меня. Это же моя опора!

– Конь о четырех ногах – и тот спотыкается, а у курсанта столько соблазнов... Пусть сегодня ночь проведут в наряде. Выполнять!

Терешин после такого неудобного разговора пригласил к себе обоих невесть чем проштрафившихся курсантов и своего заместителя А. Мудрого (бывают же такие красивые фамилии!).

– Значит так. Приказ командира – Х. и С. сегодня заступают в 19:00 в наряд! Не знаю, что вы натворили, мне командир не сообщил, но его желание увидеть вас сегодня в наряде не обсуждается.

– Александр, – это он уже своему заместителю, – определитесь, кого нужно заменить. И самым тщательным образом проверить потом подготовку всех заступающих в наряд – чтобы хруст от каждого ремня и блеск от каждой пуговицы! Ботинки должны сверкать, как сопля на морозе. Думаю, командир будет сам проводить развод наряда! Ясно? Ну а вам, Васильки, счастливого дежурства!

«Васильки» предприняли отчаянную попытку разобраться, но всё было напрасно. Старшина сказать больше ничего не мог. Он и сам бы хотел понять, что толкнуло командира на такой нестандартный шаг, но увы... Подождем, мудро решил он, со временем все тайное становится явным.

До заступления в наряд оставалось полтора часа, до окончания училища – полтора года. Время еще есть во всем разобраться – решили Васильки и начали с дневального.

– Да отстаньте вы от меня! Тут нужно обеспечить выдачу денежного довольствия, а вы – «кто за нами заходил в галюнь»? Откуда я знаю – кто? Я не видел даже, чтобы вы туда заходили или выходили. Мужики, прошу – отстаньте от меня с вашими дурацкими вопросами, мне сейчас не до шуток! – твердо отпарировал их претензии дневальный.

– Даже интересно становится – кто же эта сволочь, заложившая нас? А в ресторане через час оркестр начнет громыхать басами, и наши девушки будут танцевать с другими мальчиками, а наша водочка будет греть других! Вот черт, похоже у нас сегодня внеплановый облом, – нервно покуривая «Беломор», невесело рассуждали Васильки в курилке.

По истечении полутора часов они так толком ничего и не узнали. Их проблемы никого не интересовали – судя по настроению курсантских масс, в роте намечалась повальная самоволка – обычное вечернее явление в «день курсанта».

Настроение ниже плинтуса... В целях преодоления жесткой психологической травмы Василий С. довольно быстро сгонял в «Зеленый» (в этот милый магазинчик, благодаря чьей-то явной заботе о курсантах расположенный практически на территории училища) и вернулся с двумя бутылочками болгарского «Плиски» и разной конфетно-шоколадной продукцией – чтобы ночь не казалась длинной и скучной. Так решили друзья.

Ночь действительно не показалась им длинной и скучной. Кто-то там, наверху, решил, что сюрпризов у Василей еще недостаточно, и продолжил с ними игру в кошки-мышки. Но – не будем забегать вперед, расскажем все по порядку (хоть в чем-то же порядок должен быть на флоте!)

Начнем с того момента, как Василий покинул расположение училища и, успешно отоварившись в «Зеленом магазине», двинулся в сторону телефона-автомата. Ему надо было выполнить одно весьма неприятное дело – как-то сообщить о случившемся

«обломе» девушкам. Тот случай, когда звонить не хочется, но – надо. Понимая суть проблемы, он пытался мысленно подобрать слова, которые были бы понятны Наталье. Прокрутив в голове предстоящий разговор и оценив степень объективности причины отмены встречи, он счел доводы своей стороны достаточными и убедительными. Но, к сожалению, женская логика порой – нет, извините, часто – бывает непредсказуемой для мужчин!

– Алло, Наташа, привет! Да, это я, Василий!.. Нет, мы сегодня не встретимся, у нас форс-мажор – заступаем оба в наряд... Да подожди ты... я понимаю... мы тоже готовились... Какие бабы? НАРЯД – понимаешь?! – в трубке послышались прерывистые гудки – разговор завершен...

Он вторично набрал номер, долго ждал, когда возьмут трубку. Трубку наконец сняли, но тут же и положили. Пи-пи-пи-пи – вот и вся логика!

«Да и черт с вами! Других найдем! Жизнь не кончается!» – решил Вася и гордо шагнул навстречу обжигающему холодом ветру. В портфеле осторожно позвякивал коньячок, обещая согреть огорченную курсантскую душу.

Изрядно озябший (непогода разыгралась не на шутку!), он вошел в ротное помещение, отряхивая шапкой снег с шинели. На входе командир роты проводил какой-то инструктаж с курсантами младшего курса.

И тут одно неосторожное движение руки Василька (черт бы побрал этот налипший всюду снег!) вызывает легкий перезвон – звук определенно доносится из портфеля. Реакция курсантов – ехидная улыбка, реакция командира: «Товарищ курсант, пройдите в канцелярию! Старшину роты ко мне!»

Не берусь воспроизвести богатый набор ненормативной лексики, искавший выход в голове Василя, и бушующую в нем бурю, в эпицентре которой находилась Наталья, одно было ясно – черная полоса продолжается.

– А ты чего здесь? – поигрывая усами, спросил его Терешин, входя в канцелярию. – В наряд нужно готовится!..

– Да, вот...

Командир начал без вступления – мол, нет сомнений, что в портфеле алкоголь, курсанту С. в присутствии старшины открыть портфель и – либо опровергнуть, либо подтвердить эту версию. По одному взгляду на Василия старшине стало ясно – опровержения не будет. Но и сдаваться без попытки сопротивления незадачливый курсант С. не хотел – попытался найти третий, альтернативный двум предложенным командиром вариант:

– Товарищ капитан третьего ранга, в субботу у друга день рождения – решил заранее подарок приобрести!

– Я не собираюсь вас наказывать или изымать спиртное – наказание положено за распитие спиртных напитков. Но в целях вашего и моего спокойствия эти бутылки проведут ночь в моем сейфе. Утром они будут вам возвращены, и вы их вынесете за пределы роты.

Закрыв коньяк в сейф, командир оделся и покинул ротное помещение, как и положено в таких случаях – под громкий крик дневального: «Рота, смирно!»

Терешин покрутил пальцем у виска (его любимый жест, когда он что-то не понимал в поведении курсантов).

– Вы чего? Совсем, что ли? Думать же надо, зачем и куда ходить, пока отец родной в ротном помещении! Мало вам приключений на сегодняшний день?

Вероятно, было мало! После развода наряда Василий вновь шагнул в холодную тьму с завывающим ветром и вновь вернулся с двумя бутылочками «Плиски», только вместо конфет теперь он взял палочку китовой полукопченой колбасы темно-красного цвета по цене 90 копеек за килограмм и две головки репчатого лука за 40 копеек. В этот раз все прошло замечательно, банкет решили провести в баталерке – это специальное помещение для хранения обмундирования личного состава в межсезонье. Помещение всегда было закрыто, а ключ хранился у баталерщика – курсанта Н., проживавшего с нашими героями в одном кубрике.

Время наряда пошло. Один Василий лег отдыхать (ему заснуть в четыре часа утра), второй остался охранять тумбочку...

Прошло полтора года. Васильки уже начали забывать неудачную попытку посещения ресторана в тот далекий ноябрь 1974 года. Были дела поважнее – вот-вот выпуск.

Однажды вечером, когда дневные дела были завершены и весь курс отдыхал от беготни с обходными листками (совесть покидающих родное училище должна быть чиста!), группа курсантов сидела в старшинском кубрике и делилась воспоминаниями о прошедших годах учебы.

Вялотекущий разговор перескакивал с одной темы на другую. И вдруг старшина роты говорит:

– Васильки, а вы помните ту загадочную историю, когда командир поставил вас в наряд за два часа до развода?

– Естественно, помним! – переглянувшись, невольно улыбнулись друзья.

– Вы же тогда так и не нашли виновника ваших бед?

– Нет...

– Плохо искали. Дело в том, что командир подслушал ваш разговор лично, когда зашел в галюнь справить малую нужду, а вы, потеряв чувство бдительности, его не заметили. Позже он рассказал об этом случае командиру 1-й роты, тот – своему старшине, а старшина 1-й роты уже мне. Вот так-то! Говорил я вам: болтун – находка для шпиона! Наверное, до сих пор на командира обижаетесь?

– Да нет, какая обида!.. Вы же с командиром не знаете дальнейшего развития событий! Мы очень даже благодарны ему! Лично я, например, буду помнить тот день и ту ночь всю жизнь!

Терешин вопросительно растопырил усы:

– Ну-ка, ну-ка... Рассказывайте!

– А чего рассказывать? Все как в кино!..

Вася поудобнее расположился на кровати и начал повествование:

– Ну, официальную версию развития событий повторять не буду – ты ее знаешь, наряды мы отработали без происшествий.

Расскажу «кухню». После отбоя мы пригласили старшину группы Б. и пошли в баталерку. У тумбочки поставили молодого, пообещав после службы угощение – не обидели, он может подтвердить. В баталерке тепло и уютно, как сейчас помню, пахло гуталином и мастикой для натирания паркета... Только запах китовой колбасы и лука перебил все (кто хоть раз пробовал китовую колбаску, тот знает – её запах остается на всю жизнь в памяти. – **Прим. авт.**) Ну, в общем, баталерка – не ресторан! Добили первую – и мужики пошли спать. Я – на пост. А самого в сон клонит – сил нет, глаза закрываются.

Где-то в половине второго слышу – входная дверь скрипнула в подъезде. Думал, дежурный офицер, – вот и ладушки, встречу, провожу и часок посплю. Форму поправил, шапку надел по уставу, позу соответствующую принял у тумбочки. Одно слово – готов!

Время идет – никого нет! Что за ерунда? Выглядываю на лестницу – и глазам не верю. У входа в ротное помещение стоят и молча режут моя Наталья и ее лучшая подруга Ольга! Замерзшие, глаза красные, опухшие, тушь по щекам размазана... Я растерялся: то ли смеяться, то ли плакать вместе с ними! Наталья, увидев меня, бросилась на шею. Слезы текут, руки холодные...

Что делать? Недолго думая, провожу их в баталерку, закрываю и иду в кубрик будить Василия. Он глаза открыл, но ничего не понимает – кто пришел, зачем пришел и зачем надо вставать. Растолкал я его с трудом, он оделся, гюйс поправил – орел! Пошли вдвоем в баталерку, решать неожиданно возникшую проблему. У тумбочки вновь занял пост молодой.

Для начала мы очень осторожно сводили девиц «на экскурсию» в галльон. Пока они там перышки чистили, мы охраняли вход, чтобы кто-нибудь спросонья не перепугался. Но все обошлось... Потом в баталерке опять накрыли импровизированный стол, порезали китовую колбаску... – «ой, мальчики, а чем так пахнет?» После второй рюмки запахи уже роли не играли...

Коньяк растекся теплом по жилам, кровь побежала быстрее, и девчата рассказали, как после звонка Василия решили искать увильнувших от свидания ухажеров в ресторанах, так как

посчитали, что те просто ушли с другими. Тот факт, что ни погода, ни нарядно-ресторанная форма одежды не способствовали реализации этой идеи, их не смутило. Проехав поочередно рестораны в центральной части города, двинулись в сторону Эгершельда. В результате к часу ночи они окончательно выбились из сил и решили просто пойти в роту и ждать нас там.

В общем, переночевали мы в баталерке. Кстати, хочу отметить: курсантские бушлаты – не самое удобное место для сна, слишком много пуговиц, и они впиваются в различные части тела.

В пять утра мы вновь сопроводили их в гальюн, напоили чаем, проводили на Верхне-Портовую улицу, посадили в подвернувшееся такси и... с тех пор не расставались. Вот так бывает! Я ж говорю – как в кино. А ты – про какие-то обиды! Два месяца уже, как сыграли с Натальей свадьбу – да ты же сам был у нас на гулянье!

– Так это была она, та самая? – Усы у Петровича торчали в разные стороны, что говорило о его чрезвычайном удивлении. – И никто ничего не сказал! Да, в нашей роте шпионам делать нечего!

«А при чем здесь слово «ресторан» в названии рассказа?» – спросит пытливым читатель.

Все просто – перечитайте рассказ еще раз! ●

2021 год

Штатная ситуация

Рассказ основан на реальных событиях, в силу понятных обстоятельств фамилии и имена героев изменены

– Женька, догоняй! – крикнула Марина и бросилась бежать от машины в сторону леса. – Не догонишь – найду медведя в тайге и – прощай, милый! – громко смеясь, она убежала все дальше.

Парень, выбравшийся вслед за ней из старенького, повывавшего много дорог на своем жизненном пути автомобиля «Москвич-412», явно не ожидал такого поворота событий, но быстро сориентировался и бросился в погоню. Марина резко меняла скорость и направления бега, пытаясь любым путем сохранять дистанцию. Но уровни физической подготовки выпускника военного училища и выпускницы филологического факультета университета были несопоставимы, поэтому погоня больше напоминала игру кошки с мышкой: Евгений то догонял звонкую Марину, то вновь позволял ей отбежать на несколько метров. Наконец, он схватил ее в охапку и попытался поцеловать, но ловко подставленная подножка опрокинула его на землю, и Марина вновь ускользнула:

– Това-а-рищ офицер, девушку поймать не можете! Уйду, уйду к медведю! – игриво рассмеялась девушка.

– Ах, ты так?! Ну держись, дорогая, пощады не будет ни тебе, ни медведю! – он снова нагнал ее, заключил в объятия, и они, смеясь, покатались по траве.

Десять минут назад

В раскрытые окна движущегося по проселочной дороге старенького москвича, принадлежавшего родителям Марины, встречные воздушные потоки бросали ароматы раннего сибирского лета, будоражившие чувства находившихся в машине двух молодых людей.

– Как все-таки красиво у нас в Сибири! Глаз оторвать нельзя! – на этих словах Марина повернулась к водителю и голосом строгой училки спросила:

– Вы согласны со мной, товарищ лейтенант?

– Так точно, мой командир, глаз оторвать нельзя! – охотно подыграл ей Евгений.

Евгений, или чаще – просто Женя, чувствовал себя абсолютно счастливым человеком – это было видно невооруженным глазом. Во-первых, сбывлась мечта его жизни – уже три недели, как ему, выпускнику высшего военного училища, присвоено звание лейтенанта Советской Армии, пошитая на заказ парадная офицерская форма отлично сидела на его плечах, подчеркивая стройность фигуры и выправку будущего генерала. Во-вторых, месяц назад Марина, самая красивая девушка на свете, стала его законной женой. В-третьих, полученное им назначение в N-скую часть для прохождения дальнейшей службы изначально гарантировало успешную военную карьеру.

Марина, или просто Маришка, сидевшая рядом с ним озорная красивая девушка, была не менее счастлива: уже четыре недели, как ей, бессменной старосте группы, после окончания университета присвоена квалификация преподавателя русского языка и литературы. При этом хорошая учеба не помешала ей страстно влюбиться в будущего кадрового офицера – месяц назад сыграли свадьбу, а сейчас, готовясь к отъезду с мужем в войска, молодая жена лейтенанта с некоторым беспокойством думала о предстоящей жизни в гарнизоне, о расставании с родными и... еще о многих других нужных и ненужных вещах и проблемах.

Медовый месяц пролетел незаметно, а возможности побыть вдвоем, пошептаться о своих чувствах или просто молча посидеть, глядя друг другу в глаза, практически не было. Повседневные хлопоты, встречи с родственниками и друзьями, присутствие на каких-то семейных мероприятиях... А они так мечтали о минутах, когда можно просто остаться наедине!

– Как ты, дорогая? Не устала? Немного осталось, скоро будем у твоих родителей.

– Слушай, Жень, сейчас будет поворот на нашу полянку! Давай на полчаса заедем – когда-то еще придется здесь побывать? Да и от гостей, если честно, я немного устала, а там на даче, мама говорила, опять будет маленький сабантуй, приглашены соседи, – она с хитрецей посмотрела на мужа.

– Марина, нас ждут! Мы и так опаздываем почти на час, а офицеру опаздывать не положено! – строго отчеканил он и... резким движением руля направил машину в сторону полянки.

Полянка

Полянка, которую они называли своей, находилась на правом, высоком берегу реки, и вся восточная часть города отсюда хорошо просматривалась. Они случайно наткнулись на нее два года назад, путешествуя по окрестностям города на этом же родительском москвиче. Время было вечернее, солнце клонилось к закату, и город выглядел волшебным. С тех пор они бывали здесь много раз, здесь же он объяснился ей в любви, здесь же предложил руку и сердце, и, получив согласие, долго кружил, нежно держа ее на руках...

Плед расстелен на зеленой траве, в мире остались только они одни... – и случилось то, что и должно было случиться.

А в это же время на этой же зеленой полянке, на сухой прошлогодней былинке, держась за нее задними лапками и выпустив передние вперед и вверх, сидел клещ. Безобидный обыкновенный клещ, которому природой было назначено сидеть и ждать. Он и не сопротивлялся – сидел и ждал. Был ли он энцефалитным или нет – он не знал. Когда наступит его час (и наступит ли вообще) – он тоже не знал. Клещ сидел и ждал. И вот этот час наступил – что-то вместе с дуновением ветерка прошелестело над ним, и инстинкт сработал безупречно – передние лапки ухватились за «это», а задние мгновенно отсоединились от былинки.

Ни Женя, ни Марина ничего не заметили! Да и разве возможно заметить такую мелочь, когда стук двух любящих сердец сливается в унисон!..

Час спутя. Садовое товарищество «Лесовод»

Старенький москвич остановился у дома номер 14 по Таежной аллее. Навстречу вышла мама (с недавних пор – она же теща) Надежда Петровна Смирнова.

– Ну, здравствуйте, гости дорогие! А мы вас уж потеряли! Думали – не случилось ли чего? Все в порядке? – с некоторым беспокойством спросила она.

– Мамочка, все просто прекрасно! – весело ответила Марина. – Как вы здесь без нас? Скучали?

– Скучали, скучали! У нас новость – папу назавтра вызывают на работу, какая-то проверка из райкома, последний автобус – через полчаса. Мы уж было собрались на нем в город вернуться. Всем приглашенным на ужин дали «отбой». Если хотите, возвращаемся вместе или – на сутки остаетесь здесь одни. Ну так как – остаетесь? Вот и чудесно!

– Привет молодым! Подъехали? Хорошо, что успели. Ты уже сказала, что нас труба зовет? Нужно быть в городе. Дела, дела – даже в выходные покоя нет! – в дверях появился отец-тесть Николай Иванович.

– Что-то с машиной? – обратился он к Жене.

– Шину пробил, пришлось немного повозиться...

– Да, по молодости у нас тоже с Надеждой частенько пробивались шины, но после свадьбы – все реже и реже! – укладывая приготовленные заранее сумки в багажник авто, засмеялся было тесть, но тут же сменил тон на начальственный, обращаясь к зятю почти по-военному:

– Баня топится, веники на крыше, остаешься за главного! Вернемся завтра после обеда! Вам – отдыхать по полной программе. Себя, времени и сил не жалеть!

– Есть – оставаться за главного и отдыхать по полной программе! Марина, ты слышала? Я остаюсь за главного!

– Слушаюсь и повинуюсь, мой командир! – в тон мужу ответила Марина и вошла в дом.

Едва отъехав от дачи, Николай Иванович с улыбкой сказал супруге:

– Ты видела, какие счастливые глаза были у дочери, когда ты сказала, что на сутки они остаются одни? Им хочется побыть вдвоем, без нас и без гостей. Да и мы сегодня отдохнем: сходим в кино, в городской парк, съедим по мороженому, – я приглашаю и угощаю! Завтра отоспимся и к вечеру вернемся...

– А как же райкомовская проверка?

– Они вчера еще закончили свою работу, – ответил он и вновь улыбнулся, довольный собой. – Сейчас только еще на минутку к Штыкаловым заскочим, хочу попросить его за детьми приглядеть – мало ли что! Так будет спокойнее, – добавил он и остановился у красивой изгороди перед домом под номером 8 на той же Таежной аллее.

...Со Штыкаловым они знакомы с комсомольских лет. Когда-то оба были инструкторами орготдела райкома комсомола, дружили семьями, позже судьба развела их – Штыкалова рекомендовали на работу в органы УВД, а Смирнов вернулся на родной завод, но дружеские отношения бывшие коллеги сохранили и пронесли через многие годы. Встречались часто, благо их дачи стояли по-соседству. К моменту, когда происходили эти события, бывший инструктор Штыкалов стал полковником милиции, начальником одного из райотделов города. У дачи в тени березы стоял милицкий автомобиль.

– Павел Алексеевич! Ау! – громко позвал хозяина Николай Иванович, подходя к калитке. – Ты дома?

– Тут я, тут! – из-за дома показался высокий, крепкого телосложения мужчина. – Добрый день! Какими судьбами к нашему шалашу? Проходите, проходите! Вера, у нас гости! – крикнул он в сторону участка.

– Паша, мы на минутку. Просьба есть небольшая.

– С просьбой – и у калитки? Так не бывает, Коля!

– Нет, Паш, в другой раз. Мы домой поехали, а на даче

оставили молодоженов, Маришку и Евгения. Взрослые, но душа все равно будет болеть, как они здесь. Ты бы вечером заглянул к ним на пять минут, как бы мимоходом, а то еще и обидятся на нас.

– Понял, понял свою задачу! Ближе к закату пойдем гулять с Верой и заглянем. Давненько Марину не видели! Не волнуйтесь, все будет хорошо!

Смирновы сели в автомобиль, Николай Иванович поддал газку, и москвич мягко покатился в сторону города.

Едва переступив порог дома после отъезда родителей, Марина бросилась в объятия мужа со словами:

– Женька! Ура – мы одни! У нас целые сутки! И никто – никто не будет нас отвлекать друг от друга!

(Домовенок, сидевший, как и положено, за печкой и наблюдавший эту сцену, только слышал в горячем шепоте влюбленных два слова, повторенных многократно: «очень-очень» и «люблю-люблю»...)

Потом у молодоженов была романтическая прогулка на велосипедах вдоль красавицы реки Томи, а после – не менее романтическая сибирская баня: с ароматными таежными травами, с березовым веничком, с обливанием холодной водой и жаркими объятиями...

Потом был волшебный ужин при свечах на веранде с открытыми окнами, занавешенными марлей (ибо комары все-таки не понимают толк в романтике и нагло стремятся испортить вечер).

Затем вновь случилось то, что случилось, и снова случилось то, что случилось...

И вот после очередной из этих «случайностей» Марина ощутила наконец – что-то не так, что-то мешает. Она подошла к зеркалу и в полумраке разглядела внизу живота, в самом что ни есть интимном месте маленькую черную точку. Странно, еще вчера ничего не было – родинка появилась, что ли?

– Женечка! Посмотри, дорогой, что это у меня там такое? – обратилась она к супругу.

– С удовольствием, любимая! – с готовностью включаясь в предложенную женой игру, откликнулся тот. Но что-то пошло не так...

– Клещ! – заключение мужа не располагало к дальнейшей игривости. – Обыкновенный клещ!

– Как клещ?! Ужас! Меня укусил клещ?! А если он энцефалитный? – она вновь подошла к зеркалу, стараясь встать так, чтобы самой разглядеть опасность, спрятавшуюся в ее потаенном месте. Получалось не очень. Попыталась лихорадочно вспомнить, что рассказывали о клещах на курсах медподготовки в университете: «Неужели энцефалит? Это же поражение головного мозга... А муж как же? А жизнь в гарнизоне? А мои будущие дети? А моя профессия? Вообще, как дальше жить?..» Чувствуя, как на нее накатывает истерика, она продолжала задавать вопрос за вопросом и никак не могла совладать с эмоциями.

В отличие от жены, Евгений, как и положено настоящему офицеру, старался сохранять внешнее спокойствие. Разумеется, он готов был броситься на обидчика любимой и разорвать его на части, но... противник, несмотря на свой размер, оказался хитер и коварен – сработал заложенный в него природой инстинкт самосохранения и выживания, и клещ ушел в глухую оборону.

«Спокойно, спокойно!» – стараясь сосредоточиться, мысленно приказал себе Женя. А вслух уверенно произнес:

– Марина, не волнуйся, это вполне штатная ситуация, все будет хорошо! Нас учили на полевых занятиях, как бороться с этими кровососами, – пытаюсь отвлечь жену от мрачных мыслей, он сделал вид, что имеет опыт общения с этим насекомым. – Сначала его нужно удалить, потом убедиться, что он извлечен полностью, и в завершении – прижечь ранку. И все! Не волнуйся!

Видя, что его слова не возымели на Марину должного успокоительного эффекта, Женя вышел на кухню, взял бутылку водки, налил треть стакана и протянул испуганной супруге:

– Пей, дорогая! Это успокоительное и обезболивающее в одном флаконе!

– Да это же водка! Я ее не пью!

– Что значит «Я не пью»? Я – командир, и я приказываю! Ты – жена офицера. Ты должна выпить это!

И он буквально вложил стакан в ее руку. Марина с обреченным выражением лица глянула на его содержимое, зажмурилась и медленно, мелкими глотками выщедила всю жидкость, охнула как-то по-бабьи и откинулась на кровать.

«Так, вроде бы немного успокоилась, – решил Женя. – Перехожу ко второй фазе операции – извлечение противника из места его укрытия. Что там говорилось в инструкциях... – «использовать пинцет или иные подручные средства». Так, пинцета нет. Значит, остаются подручные средства...»

Он попробовал вытянуть клеща пальцами – не совсем удобно. Решил попробовать зубами, но после вопроса Марины: «Женечка! А что ты там делаешь?» – идея отпала. Потом в ход пошли шелковая нить, обычная нить, одеколон, водка, спирт, бензин и даже две капли керосина. Но клещ не торопился сдавать занятые позиции, чем еще больше вызывал гнев офицера. Прошло уже около часа с момента его обнаружения, а клещ все не сдавался.

...Ох, уж эта мать-природа! Видимо, создавая клеща как особую боевую единицу, она с лихвой вложила в него инстинкты выживания, размножения и защиты, и теперь эта тварь использовала все приемы борьбы за существование. Он не хотел насильственно покидать выбранное уютное местечко, где ему было комфортно. Но ведь и противник был не льком шит – в конце концов силы оказались не равны. Стоило насекомому лишь на секунду ослабить хватку, как резким рывком он тут же был выдернут из тела Марины, охарактеризован самыми нелестными словами из курсантского (извините – уже из офицерского) ненормативного лексикона и помещен в стеклянную банку под плотно прилегающую крышку – все, как учили.

– Ну что, допрыгался? Теперь «губа», разборки, суд чести, казнь – все завтра! – торжествующий победитель поединка потряс банкой с клещом перед лицом Марины.

Но после бани, выпитого за ужином вина, «заполированного» водкой (исключительно в целях обезболивания!), Марина лежала на кровати словно в полузабытьи. Женя тихонько дотронулся до нее, пытаясь привлечь внимание.

– Ну вот, дорогая, клеща мы изъяли. Теперь последнее – ранку необходимо прижечь.

– Это больно? – не открывая глаз, почти безучастно поинтересовалась Марина.

– Терпимо, – успокоил муж. – Ты полежи, а я пойду все приготовлю.

Вот тут так и хочется воскликнуть: «О, великий и могучий русский язык! Сколь много смыслов несет порой одно и то же сочетание звуков!»

Оказывается, в силу своего образования и жизненного опыта слово «прижечь» каждый из наших героев понимал по-своему. Для Марины это означало: взять ватный тампон, намочить его в водке или спирте и приложить к ранке. Для Жени – взять что-то металлическое, нагреть предмет на огне и приложить раскаленный металл к ранке.

Так как исполнителем сей процедуры был Женя, он, разумеется, выбрал свой вариант. Поискав глазами что-нибудь металлическое, он остановил свой выбор на новом, без следов ржавчины, гвозде, лежащем на подоконнике, и для начала опустил его в стакан с водкой. Потом зажег газовую плиту, извлек плоскогубцами гвоздь из стакана и начал нагревать его с одного конца, держа над пламенем. Операция по изгнанию клеща подходила к завершающему этапу – прижиганию. Когда, по мнению новоиспеченного «эскулапа», все было готово, он снова подошел к Марине:

– Я готов. Секунда – и все будет кончено. Как говаривали на Руси, терпи казак – атаманом будешь!

– А это не больно? – на всякий случай уточнила она еще раз. Он приложил раскаленный кончик гвоздя к ранке...

Садовое товарищество «Лесовод», 23:00

Как удивительны в Сибири июньские вечера! День медленно клонится к закату, воздух становится исключительно прозрачным и вязким, предстоящая ночь – коротка и тиха, наполнена ароматами трав, редкой перекличкой ночных птиц да писком комаров. В такие ночи хочется сидеть до самого рассвета под теплым пледом у тлеющего костра и, накинув на голову накомарник, слушать тишину... Тихо, тихо... Только изредка где-то в деревне промычит корова или залает с перепугу собака, или прокукарекает раньше положенного часа страдающий бессонницей петух.

Натрудившись за день, готовились к ночному отдыху и в товариществе «Лесовод». Кто-то сидел на крылечке, негромко переговариваясь с соседями, кто-то бродил по участку, оценивая перспективы будущего урожая, кто-то от души парился в бане (шлепки веника по телу были слышны за сотню метров), кто-то, приняв рюмочку, закусывал свежей редисочкой...

Полковник Штыкалов, набросив на плечо полотенце, подошел к баньке. Через открытую в предбанник дверь он уже чувствовал, вдыхал этот неповторимый банный аромат. Баня манила и звала...

Вдруг невероятный по тональности и пронзительности крик разорвал вечернюю тишину. Все замерли, ожидая возможного повторения. Собаки подняли лай, стая птиц сорвалась с ели и полетела в вечернюю даль. Где, кто кричал? Что случилось?..

Молодой лейтенант стоял перед кроватью, на которой секунду назад, казалось, дремала его супруга. Одна его рука держала плоскогубцы с раскаленным гвоздем, другую он непроизвольно прижал к уху. Он не мог понять, неужели это его маленькая Марина смогла издать звук такой невероятной силы?! Несколько секунд они молча смотрели друг на друга одинаково широко распахнутыми глазами.

Первым нарушил тишину Женя:

– Марин, это ты кричала или мне показалось? Вот это да! Вот это командный голос! Да с таким голосом только полком командовать! У меня мурашки по телу забегали!

Марина наконец перевела дыхание и, глядя на мужа возмущенно-непонимающим взглядом, почти шепотом произнесла:

– Голос как голос. Я, когда была маленькая, играла с мальчишками в войну и меня никто перекричать не мог. Ты лучше скажи – а что это сейчас было? Это так в инструкции написано, дорогой?

– Мариночка, вы дома? У вас все в порядке? – со двора донесся взволнованный голос соседки тети Даши.

– Да, тетя Даша! Минутку, сейчас выйду! – прервав выяснение отношений с супругом, девушка быстро набросила халатик и вышла на улицу.

– Что у вас случилось? Почему ты так кричала? – не на шутку встревоженная соседка продолжала задавать вопросы.

В ответ Марина что-то пролепетала смущенно – мол, муж-офицер решил со мной посоревноваться, у кого голос громче...

– Ну, судя по всему, он проиграл, – резюмировала женщина. – Только уж вы, пожалуйста, в другой раз игру потише выберите – не ровен час, все соседи с округи сюда сбегутся! – улыбаясь, попросила тетя Даша.

Полковник Штыкалов, услышав крик – явно не выражающий восторг и доносившийся, вероятнее всего, с дачи Смирновых, – вернулся в дом, мгновенно набросил форменную рубашку, взял фуражку, и, кивнув на ходу жене – мол, иди в баню, я догоню, – быстрым шагом направился в сторону дома № 14, где проживала семья друга.

– Что тут случилось? – подходя, спросил у выходящей из калитки соседки Дарьи.

– Дети! Не наигрались еще...

Полковник подошел к дому, позвал: «Марина!»

Девушка тут же выбежала навстречу:

– Как я рада вас видеть, дядя Паша! – и бросилась ему на шею.

– Осторожней, я при исполнении, – шутливо ответил он ей.

– Что у вас здесь произошло? Докладывайте!

Марина сразу же выпалила ему уже опробованную на тете Даше версию, но полковник, глядя на молодую женщину и вышедшего вслед на ней на крыльцо крепкого парня, твердо сказал:

– Я в силу своей службы могу отличить крик от боли от криков шутки ради. Товарищ лейтенант, доложите обстановку!

– Есть – доложить, товарищ полковник! – ответил Евгений и рассказал все, как было, умолчав лишь о небольших подробностях, не относящихся к делу.

– Значит, так – сейчас едем в город, в травмпункт, ставим прививку, а клеща – он еще цел? – клеща сдаем на анализ и возвращаемся. Ждать до утра нельзя! Чем быстрее, тем будешь здоровее! На сборы – пять минут. Я заеду за вами на служебной машине.

Когда милицейская машина с Мариной и Женей «на борту», сидевшими в обнимку на заднем сидении, въехала в город, полковник по рации связался с дежурным по отделу:

– Четвертый, четвертый, первому ответьте! Четвертый – первому ответьте!

– Первый, я четвертый! Слушаю вас!

– Вы что, спите?

– Никак нет!

– Почему так долго не отвечаете?

– Курили, товарищ первый, на крылечке. Такая погода – а мы на дежурстве киснем...

– Вы не просто на дежурстве, вы – на охране общественного порядка целого района, и от вас зависит спокойствие и порядок в нем! Киснуть будете в другом месте! Ясно?

– Так точно!

– Значит, так – срочно связаться с травмой на улице Весенней. Кто там занимается укусами клещей, пусть выйдут и встретят

меня. Я на служебной, со мной укушенный. Нужен укол или что они там делают, и клеща взять на анализ. Как поняли?

– Первый, вас понял. По исполнении доложу.

– Жду!

– Дядя Паша, спасибо огромное! – сказала Марина, – а мы хотели утром на первом автобусе в город ехать, в травмпункт.

Поток благодарностей прервала ожившая вновь рация:

– Первый, я четвертый, у входа в травму вас встретят и сделают все необходимое. Как поняли? Прием!

– Спасибо, четвертый! Я уже подбегжаю! Конец связи!

У входа в травмпункт их встретила женщина в белом халате, она и увела Марину с собой, посоветовав ринувшимся было вслед за ней мужчинам:

– Ожидайте здесь, там душно. Минут через двадцать-тридцать вернем вашу красавицу.

...Небо на востоке начинало розоветь. Новый день обещал быть жарким и солнечным. Мужчины поговорили о предстоящих тяготах военной жизни молодой офицерской семьи, покурили... Наконец, та же женщина вывела Марину, та выглядела немного растерянной.

– Укол поставили, клеща взяли на анализ. Дней через десять зайдете узнать, опасен он был или нет. Только... мы вот подумали с коллегами – поскольку укус был в таком особенном месте, рекомендуем вам показаться гинекологу. Если сейчас время позволяет – езжайте в третью городскую, вас там ждет хороший специалист, Елена Федоровна. Она дежурит, с ней переговорили по телефону. Если решите ехать, у входа в отделение вас встретят, – сказала медсестра. – Это займет минут тридцать от силы.

– Раз уж начали – нужно все сделать до конца, как рекомендуют врачи! Едем! Предупредите, пожалуйста, Елену Федоровну – через десять минут мы у них, – по-военному четко и быстро отреагировал Павел Алексеевич. – Вам огромное спасибо! По машинам!

Через десять минут Марину вновь забрала женщина в белом халате, а через полчаса, когда уже практически рассвело, девушка вернулась в сопровождении другой женщины, по манерам – несомненно, доктора.

– Елена Федоровна, – представилась она и тут же расплылась радостной улыбкой – я вас от всей души поздравляю, молодой человек... Женя, кажется? Так вот, Женя, скоро вы будете папой!

Молодой человек, потеряв от неожиданности дар речи, вопросительно посмотрел на Марину – та так же молча, но с искрящейся радостью в глазах кивнула головой... В тот же момент он подхватил ее на руки и закружил – как вчера на их полянке.

– Вы – будущий дедушка? – доктор с улыбкой обратилась к Штыкалову.

– Увы, нет – это дети моих друзей!

– Тогда передайте друзьям, что я готова принять их дочь на наблюдение, вот мой телефон. А теперь – извините, мне нужно идти. Доброго утра, молодежь! И счастья вашей семье! – она помахала рукой Марине и Жене.

Дальше все было для Маришки как во сне. Они немедленно отправились к родителям – чем сильно перепугали обоих! – долго поздравляли будущих бабушку и дедушку, объясняли, как все получилось. Николай Иванович тряс руку Павла Алексевича, тот торопился, говорил, что его ждут жена и баня... Наконец, выпив немного шампанского, он все-таки уехал, пообещав быть вечером с супругой на даче у Смирновых – на семейном торжестве.

И это семейное торжество получилось на редкость праздничным! Всей Таежной аллеей отмечали и свадьбу («За молодых!»), и волнующую новость о том, что Марина и Женя скоро станут родителями («За будущих деток!»), а Николай Иванович и Надежда Петровна – дедушкой и бабушкой («За будущих бабушку и дедушку!»), провожали молодоженов в войска («За нашу Советскую Армию!»), давали напутствия... – в общем, все, как и положено в Сибири: весело, громко, всей улицей!

Прошло много лет. Седой подполковник Евгений и его жена Марина, выйдя на пенсию, остались жить в городе Коломне.

Однажды в разгар застолья по поводу очередной встречи с друзьями они, хитро переглянувшись, поведали присутствующим эту историю. Гости дружно посмеялись, но каково же было их удивление, когда хозяин дома крикнул кому-то в соседнюю комнату:

– Товарищ капитан, принесите из моего кабинета запаянную пробирку, которая стоит возле часов.

Вошел высокий офицер со стеклянной пробиркой в руке, протянул ее хозяину дома.

– Во-от он, наш обидчик! Так и катался с нами по всем гарнизонам! – подполковник показал гостям склянку – в специальной жидкости там плавал обыкновенный клещ – и, подмигнув жене, представил офицера, принесшего «вещдок»: – А это – наш старший сын! Уже капитан! Эх, летят годы... ●

Кемерово, 2020 год

Нерифмованные стихи начинающего поэта

Костя

Зимний вечер. На Эгершельде
Ветер бросается мокрым снегом в лицо,
Подполковник Пивоваров в своем кабинете.
Дел срочных много, он – начальник ОРСО.

За всё и за всех постоянно в ответе,
Курсанты такие – лишь хватку ослабь,
Они дисциплину, порядок забудут,
Наденут гражданку и – в город гулять.

Родился в Сибири, суровый, упрямый,
Умел за себя, за друзей постоять,
Он с детства мечтал о карьере военной
И жизнь свою с морем навечно связать.

Года пролетели, он стал офицером,
Добился того, о чем в детстве мечтал.
Его властный голос, походка, манеры –
Примером курсантам в училище стал!

Не каждый сумеет такого добиться,
Хоть трижды он будь офицером лихим,
Курсантскую рать обмануть невозможно,
И в памяти нашей он будет живым!

Курсантское племя его уважало
За справедливость, за шутки, за форс,
Порою от смеха вся рота стонала,
Когда он вершил командирский разнос.

Для нас он был Батя – отец и товарищ,
К нему за советом, за помощью шли,
Приказы его нас частенько спасали
И самых горячих от зол сберегли!

В любую погоду – в дождь, снег или ветер –
Одет безупречно, с иголочки всё,
Ботинки начищены, стать как у лорда...
Не каждый так может, это свыше дано!

А белая мица, перчатки из лайки,
Кашне и улыбка всегда с хитрецей!
Его мы все звали по-дружески Костя,
Но без панибратства. Он был весь такой!

С курсантами строг: пять нарядов – не шутка!
Любой разгильдяй может враз их поймать.
Но он объективен – искрить зря не будет
И без нужды свою власть применять.

Ему все равно – первокурсник зеленый
Иль лычек с пяток на твоём рукаве,
Уж коль виноват, заслужил, будь спокоен –
Наряды пред строем объявит тебе.

Его жесткий взгляд всех курсантов буравит,
И словно рентген, видит суть – что в тебе:
Не брит, гюйс не свежий и брюки клешами...
«Сегодня, курсант, вы не нравитесь мне!»

Команда «Отбой!» прозвучала по ротам,
Курсанты в кроватях, приказано спать,
А наш подполковник, дымя папирсой,
В роты шагает отбой проверять.

Дежурная часть напряглась в ожиданье –
В какую же роту сейчас он пойдет?
И здесь не поможет ничье заклинанье,
Хозчасть «самоходов» давно уже ждет!

Примеров различных, сюжетов веселых
И грустных историй в курсантской среде
Ходило так много, что добрую память
О нем навсегда сохраним мы в себе! ●

Старушка рота

Ну, привет, привет, старушка рота!
Как живешь, как старики твои?
Хочу юность вспомнить я немного,
Достав фото пожелтевшие свои!

Да, стареешь, вижу, понемногу...
Силы уж не те! – Откуда взяться им?
Только мы в душе еще – курсанты,
Признавать, что постарели, не хотим!

Для себя мы – молодые парни,
Нам еще от силы сорок лет,
Только брюшко на размер побольше стало
Да болгается без дела «пистолет»!

Роту время явно не жалело,
Головы покрылись серебром,
Раньше тепла женского хотелось,
А сейчас и без него живем.

Раньше мысли разные шальные
Лезли в голову ночами напролет,
А теперь все больше философские, дурные –
Не про баб, а про страну и наш торговый флот!

Ну, а помнишь, как любили пиво,
С корюшкой у моря посидеть?..
И, поверь мне, никакая сила
Не могла лишить нас этих встреч!

Время, как известно, не воротишь,
ДВВИМУ уж не то, там женщины в строю...
Только поседевшие курсанты
Дружбу, как и раньше, берегут свою.

В памяти уж что-то подзабылось,
Многое уж кануло в годах,
А романтика, которую искали,
Все еще хранится в наших головах!

Тот, кто окунулся в жизнь морскую
Без прекрас, без розовых очков,
Не пойдет искать судьбу иную,
Променяв бушлат на кирзовый сапог!

Вот на старом пожелтевшем фото
Командир наш роту на парад ведет,
Был Макухин офицером строгим,
Ну а сколько мы создали для него хлопот!

Кто-то здесь со мной не согласится,
Кто-то скажет – нет, он был другой!
Только жизнь и время подтвердили –
Нужным курсом вел он за собой.

В роте у нас не было любимцев,
Каждый получал, что заслужил,
Командир наши грешки не прятал,
Но и сор из роты не носил!

Эх, старушка-рота, вспоминаю
Твою статью и выправку твою,
Как мы перед увольнением сверкали –
Вот за это уважали старшину!

Весь состав старшинский с нами вместе
Ел и спал, на лекции ходил,
По ночам эпюры рисовали,
Но порядок в роте образцовый был.

Многое тогда не понимали,
Многое хотелось изменить,
Но старшины дело свое знали,
Дисциплина в роте должна быть!

Таволжанский – мореман суровый,
Старшиною курса у нас был,
Первые азы курсантской школы
В сахалинской мореходке получил.

Что сказать, Олег – мужик отличный,
Мог и выпить с нами, байку рассказать,
Но наутро, если ты не встанешь,
Мог по полной перед строем наказать.

Или Микир – Игорь Микиртумов,
Ладный парень, вечно с папиросою в зубах,
Его походка, жесты, сленг – неповторимы,
Это невозможно передать в словах.

Как он медленно, вальяжною походкой
Шел по роте: «Все должно блеснуть!
Это что? Грязь? Ну вы, блин, даете!
Грязью зарастет все на вашем корабле!»

С особой теплотой я вспоминаю группу,
Семьсот одиннадцатую группу ЭВТ,
Григорьев Толя старшим был от Бога,
Жаль – прах его уже в сырой земле.

Ни о ком и никогда не говорил он плохо,
Он шел вперед – и мы за ним гуськом,
Он говорил: «Молчать!» – и мы молчали,
Приказывал: «Всем спать!» – и мы ложились спать!

Как говорится, брат, старшин не выбирают,
А иначе – хаос, быть беде,
В демократию здесь, братцы, не играют,
Нет времени скучать по этой ерунде.

О старшинах много рассуждать не буду,
Все, что нужно, делали они.
В кошки-мышки с нами не играли,
В общем – настоящие были мужики.

Часто вспоминая то, что было –
Жизнь свою, поступки, ротные дела –
Всем старшинам говорю: «Спасибо!
Спасибо вам, ребята, и ротное УРА!»

А помнишь ли ты, рота, – в зной и стужу
Бросало нас училище на подвиг трудовой?
И если бы тогда команду дали –
Перекопали б весь Владивосток родной!

А началось все с местного трамвая...
Весь первый курс – в колхоз, лишь ЭВТ приказ:
Шпалу древесную, трамвайную, гнилую
На новую ночами нужно поменять!

Приказ серьезный. Это вам не под коровой лазить,
Хвосты дояркам... тьфу, буренкам! ласково крутить,
Здесь силушка нужна, умение и ловкость,
Чтобы товарища случайно шпалою не придавить.

Работали с «нуля» и до рассвета,
Есть где мужчинам силу показать!
Днем отоспишься, а вечерами снова
К любимой хочется на встречу убежать!

Все, завершили славно эпопею эту,
К учебе потянулись, но опять
Приказ для ЭВТ приходит сверху:
Пора! Пора циклевку начинать!

О, господи, ну кто это придумал –
Каждую паркетинку стеклом?!
На коленях ползали, вся попа в мыле,
Романтика тут точно ни при чем!

Расслабиться курсантам не давали,
Свободная минута – и ты уже с кайлом.
И нас, конечно, первых пригласили,
Когда к причалу встал теплоход с сахаром-сырцом.

– Ну что, старушка-рота? Ты устала?
Может, баста? Хватит? Не будем продолжать?
«Да нет, браток, уж коли начал ты про сахар,
Народу нужно правду рассказать».

Так вот, т/х «ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ» –
Красивый, элегантный сухогруз –
Привез в уютный порт Владивостока
С десяток тысяч тонн сахара-сырцу.

Привез – отлично! Дело за немногим –
Осталось разгрузить и на причал подать,
Затем в вагоны – и по всей стране огромной
Кубинский сахар можно отправлять.

Коль пригласили нас, мы подошли к причалу,
Все осмотрели, тихо матерясь,
В такие переделки, хлопцы,
Не приходилось роте попадать...

Глаза закройте на одно мгновение,
Представьте – перед вами джутовый мешок,
В него кубинцы положили, не жалея,
Сто килограммов. Вот это сахарок!

Мешки сложили аккуратно в трюме.
В то время, пока судно шло домой,
Они слежались все под тяжестью своею
И отсырели за счет влажности морской.

Итак, имеем: примерно одно место
Кэгэ не менее ста десяти,
Плюс – в трюм мешки сложили тесно,
В итоге – сладенькие кирпичи!

Навыков нет, приспособлений тоже,
Забросить на спину себе такой кирпич...
Товарищи, конечно же, помогут,
А далее – боишься с ним ступить!

И так всю смену. И без перекура –
Дневную норму надо выполнять.
Звучит сигнал – рабочий день окончен,
А сил уж нет, чтобы сходить пос-ть!

Да, с этими мешками мы узнали,
Как говорится, «ху из ху» –
Те, кто гантелями всегда с утра махал,
Не показали ни рекордов, ни силушку свою!

Окончен бал, погасли наши свечи,
Сил не хватило сахарок весь разгрузить,
В такие дни мы четко понимали –
Жизнь будет трудной, учи нас жить, училище, учи!

О том, как заниматься спортом мы любили,
Возможно написать роман, и не один!
Три года чемпионами училища мы были,
Залуцкий, Штыков, Письменный, Ежов, Тежик... –
Да вся команда просто МОЛОДЦЫ!

Вот как-то мы в Черниговском колхозе
Хвосты дояркам... тьфу ты! – один ведь раз живем!
А рядом вертолетчики служили
И предложили нам сыграть в футбол.

Команда у них очень боевая,
Играли в пуле краевых команд,
И накануне Дня морского флота
Решили ноги в бутсах вытереть о нас.

Ну что, братва, мы вызов принимаем!
В определенный день на поле мы пришли,
А там спектакль для нас и для селянок:
Врач, массажист, а форма – зашибись!

Решили летуны морально задавить нас сразу:
Какая выправка, а скорость, а игра мячом!
Залуцкий покурил и бросил сигарету,
Сказал спокойно: «Ну что, давайте, хлопчики, начнем?»

Не выдержали летуны напор тельняшек,
И форма, да и врач им не помог.
Когда судьёю матч был остановлен,
Счет на табло был два – один! Для них урок.

Вот так, старушка рота, мы и жили,
Работали, учились, не думая о том,
Что годы все быстрее мимо проносились,
Лишь фото старые напоминали о былом!

Да. Многих уже нет, судьба нам не подвластна,
Но память наша все еще при нас,
Давайте дружбой нашей наслаждаться!
Счастливо жить, здоровья и удачи вам! ●

Литературно-художественное издание

Цыганков Виктор

И это всё о нас!

Повести и рассказы

Редактор **Г. Ф. Панова**
Корректор **Т. В. Тулупова**

Оформление и компьютерная верстка:
ООО «Сибирская издательская группа»

Подписано в печать 17.06.2022. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,09.
Тираж 100 экз. Заказ № 019.

ООО «Сибирская издательская группа»
E-mail: panovagf@mail.ru